

РАЗВОД с ДРАКОНОМ

БРОШЕННАЯ,
НО НЕ СЛОМЛЕННАЯ

Юлий Люцифер

Юлий Люцифер

Развод с драконом.

Брошенная, но не сложенная

<https://litres.ru/74221113>

Аннотация

В день годовщины брака мой муж-дракон не подарил мне ни драгоценностей, ни ласки, ни даже привычной холодной улыбки.

Он подарил мне развод.

Публично. При всем дворе. Рядом с женщиной, которую уже выбрал мне на замену.

Для него я стала слишком тихой, слишком слабой, слишком бесполезной для великого драконьего рода. Жена, которая не оправдала ожиданий. Тень, которую больше не жаль выбросить из жизни.

Он думал, что после этого я сломаюсь. Исчезну. Смирюсь с унижением и буду доживать свой век в забвении, пока рядом с ним другая займет мое место.

Но в ту ночь, когда брачная клятва треснула, вместе с ней проснулось и то, что много лет спало во мне.

Сила.

Древняя, опасная, живая. Сила, которую кто-то слишком долго подавлял. Сила, из-за которой я уже не просто бывшая жена

дракона, а женщина, способная изменить расстановку сил во всем королевстве.

Теперь мне придется заново собрать себя из пепла, научиться владеть магией, выжить среди интриг, лжи и чужой ненависти. А еще — выдержать взгляд бывшего мужа, который слишком поздно понял, кого именно потерял.

Вот только я больше не та покорная женщина, что молча терпела холод в его глазах.

Он сам сделал меня брошенной.

Но сломленной я не стану никогда.

Содержание

Глава 1. Годовщина, которая стала приговором	5
Глава 2. Женщина рядом с ним	22
Глава 3. Ты больше не носишь мое имя	41
Глава 4. Последняя ночь в замке	65
Глава 5. Трещина на брачной метке	87
Глава 6. Унижение не забывается	102
Глава 7. Изгнанная	127
Глава 8. Первый выброс силы	143
Глава 9. Письмо, которого не должно было быть	163
Глава 10. Больше не слабая	185
Глава 11. Кровь первородных	204
Глава 12. Тайный хранитель	222
Глава 13. Цена подавления	245
Глава 14. Почему ты молчала	263
Конец ознакомительного фрагмента.	275

Глава 1. Годовщина, которая стала приговором

Весь замок сиял так, будто сегодня праздновали не годовщину брака, а коронацию. Золотой свет магических сфер скользил по белому камню, отражался в высоких зеркалах, тонул в бокалах с рубиновым вином и цеплялся за драгоценности придворных дам. Музыка лилась мягко, торжественно, и каждый звук отдавался у меня под кожей тревогой, которую я с самого утра пыталась назвать волнением.

Я стояла у входа в главный зал и смотрела, как слуги в последний раз поправляют длинные темно-алые драпировки с гербом рода Эстейн — серебряный дракон на черном пламени. Мой муж любил, чтобы все выглядело безупречно. Любил порядок, роскошь, подчинение и тишину. Особенно тишину от тех, кто был слабее его.

— Леди Лиора, вы прекрасны, — прошептала Мира, моя камеристка, отступая на шаг. — Сегодня он точно не сможет отвести от вас взгляд.

Я медленно подняла глаза на свое отражение. Темное платье мягко облегло фигуру, серебряная вышивка на корсе-

те повторяла рисунок драконьих крыльев, волосы были уложены высоко, чтобы открыть шею, на которой покоилась тонкая фамильная цепь рода Эстейн — подарок Рейнара в первую брачную ночь.

Когда-то он сам застегивал ее на мне, касаясь пальцами кожи так бережно, словно я была самым дорогим сокровищем в его жизни. Тогда мне казалось, что я действительно любима.

Теперь я уже не была в этом уверена.

— Ты слишком бледна, — заметила Мира, вглядываясь в мое лицо. — Может, вам лучше сесть? Праздник только начинается.

— Я в порядке, — ответила я слишком быстро и сама услышала фальшь в собственном голосе.

Я не была в порядке уже очень давно.

Последний год нашего брака превратился в бесконечную зиму, где не было ни скандалов, ни открытой жестокости, ни громких обвинений. Было хуже. Холод. Вежливый, безупречный, выверенный холод. Рейнар все реже смотрел на меня, все реже говорил со мной без необходимости, все чаще

исчезал на заседаниях совета, в военных поездках, в делах, о которых мне не полагалось спрашивать. Он по-прежнему оставался идеальным лордом драконов в глазах двора. Сильным, сдержанным, прекрасным. И по-прежнему был моим мужем только на бумаге и перед людьми.

Я долго убеждала себя, что это временно. Что на него давят обязанности. Что он устал. Что наше молчание — всего лишь этап, через который проходят многие браки. Что если я буду терпеливой, мягкой, удобной, он однажды снова посмотрит на меня так, как смотрел раньше.

Сегодня была наша седьмая годовщина.

Семь лет назад он выбрал меня среди десятков благородных невест, и весь двор шептался, что юный наследник рода Эстейн слишком привязался к тихой девушке без громкого дара и заметной силы. Тогда мне завидовали. Теперь — жалели. Или насмехались. Я давно научилась не вслушиваться в шепот за спиной, но в такие вечера он звучал особенно отчетливо.

Двери распахнулись, впуская в зал новый поток гостей. Я выпрямилась, натянула на лицо ту самую спокойную улыбку, которой пользовалась последние годы как щитом, и шагнула вперед.

Музыка стала громче. Придворные склоняли головы. Кто-то приветствовал меня с нарочитой почтительностью, кто-то с ленивой вежливостью. Я двигалась между ними плавно, не позволяя себе сбиться с шага, хотя внутри с каждой секундой росло странное ощущение, будто воздух стал гуще и тяжелее. Будто что-то вот-вот должно случиться.

Рейнара в зале еще не было.

Это тоже было странно. Обычно на приемах такого уровня он появлялся первым или одновременно со мной, чтобы весь двор видел нас вместе. Даже если между нами давно ничего не осталось, внешнее благополучие рода было для него священно.

Я остановилась у возвышения, где нас ждали два кресла из черного дерева. Одно — мое. Второе — его.

Пустое.

Сердце стукнуло сильнее.

— Лорд задерживается, — тихо произнес один из старших слуг, не глядя мне в глаза.

— Я вижу, — так же тихо ответила я.

Минуты тянулись слишком долго. Разговоры в зале становились все тише, будто даже гости начинали чувствовать неладное. Я ловила на себе взгляды — любопытные, цепкие, оценивающие. Где-то у дальней колонны две молодые аристократки шептались, прикрывая улыбки веерами. У лестницы стояла леди Верена, двоюродная тетка Рейнара, и смотрела на меня с тем холодным превосходством, которым одаривала всякий раз, когда речь заходила о наследниках.

Наследниках.

Слово полоснуло внутри так же больно, как всегда.

Семь лет брака, а я так и не смогла подарить роду Эстейн ребенка. Ни сына, ни дочь. Ни даже надежду, которая продержалась бы дольше нескольких недель. Лекари разводили руками. Маги говорили о слабом истощении ауры. Старшие драконицы намекали, что некоторые женщины просто не способны выдержать силу брачного союза с истинно сильным мужчиной. Никто не обвинял меня в лицо. Для этого наш двор был слишком воспитан. Но каждый взгляд, каждая пауза, каждый слишком вежливый совет напоминали мне: я не справилась.

И все же сегодня я надеялась, что, быть может, этот вечер что-то изменит. Глупо. Почти унижительно. Но надеялась.

Когда двери зала распахнулись снова, музыка смолкла сама собой.

Я обернулась.

Рейнар вошел так, как входил всегда: спокойно, уверенно, будто само пространство расступалось перед ним. Высокий, в черном камзоле с серебряной отделкой, с холодным профилем, от которого у многих женщин во дворце подкашивались колени. Его волосы, почти белые в свете сфер, были зачесаны назад, а в глазах горело то самое драконье золото, которое когда-то заставляло меня забывать обо всем на свете.

Но сегодня рядом с ним шла женщина.

Не служанка. Не дальняя родственница. Не посланница чужого дома.

Женщина.

Молодая, яркая, гибкая, в платье цвета расплавленного янтаря, с открытыми плечами и слишком уверенной улыбкой для той, кто впервые должна была появиться при дворе

Эстейн. Ее рука лежала на сгибе локтя моего мужа так естественно, словно она имела на это полное право.

У меня похолодели пальцы.

Зал замер.

На одно короткое, страшное мгновение я перестала слышать хоть что-то. Ни шорох платьев, ни потрескивание огня в чашах, ни собственное дыхание. Только стук крови в висках.

Рейнар подошел ближе. Не ко мне. К возвышению. К месту, где мы должны были приветствовать гостей как муж и жена.

Я заставила себя сделать шаг вперед.

— Рейнар, — произнесла я негромко, так, чтобы это прозвучало ровно. — Гости уже собрались.

Он перевел на меня взгляд. Спокойный. Холодный. Чужой.

Когда-то одного такого взгляда хватало, чтобы я почувствовала себя избранной. Теперь — только лишней.

— Я вижу, Лиора, — ответил он.

Ни улыбки. Ни теплоты. Ни даже формального прикосновения к руке.

Мой взгляд скользнул к женщине рядом с ним. Она смотрела на меня открыто и почти с жалостью, которая была страшнее любой насмешки.

— Вы не представите мне вашу спутницу? — спросила я.

Несколько человек рядом слышно втянули воздух. Вопрос был безупречно вежливым, но слишком прямым для двора, где все привыкли прятать яды под шелком.

Рейнар даже не поморщился.

— Представлю, — сказал он. Затем обвел взглядом зал, и его голос, усиленный магией, разнесся под сводами так отчетливо, что у меня внутри все оборвалось. — Думаю, настало время сделать это перед всеми.

По рядам гостей прокатилась волна напряжения. Я почувствовала, как Мира где-то у стены сжала руки, будто уже поняла то, чего я еще не хотела понимать.

Рейнар повернулся к собравшимся.

— Благодарю вас за то, что вы приняли мое приглашение в этот вечер, — произнес он ровно. — Многие из вас полагали, что сегодня мы празднуем годовщину моего брака.

Он сделал короткую паузу.

— Но этот вечер посвящен не годовщине.

Я перестала дышать.

— Сегодня я объявляю о расторжении моего брачного союза с Лиорой Эстейн.

Слова ударили громче пощечины.

Зал взорвался не звуком — тишиной. Оглушительной, живой, страшной. Такой тишиной, в которой слышно, как ломается чужая жизнь.

Я стояла неподвижно, не понимая, как тело еще держится на ногах. Мне казалось, что все это ошибка, дурной сон, приступ, который вот-вот закончится. Что сейчас он замолчит, посмотрит на меня, увидит ужас на моем лице и оста-

НОВИТСЯ.

Но Рейнар не остановился.

— Этот союз более не отвечает интересам рода Эстейн,
— продолжил он так же холодно, как зачитывают приговор.
— За годы брака леди Лиора не смогла исполнить возложенных на нее обязанностей. Ее положение в доме и при дворе с этого момента меняется.

Каждое слово было выверено. Каждое — нанесено так, чтобы не оставить крови снаружи и разорвать все внутри.

Не смогла исполнить обязанностей.

Вот как он решил назвать семь лет моей любви, терпения, надежд, слез, молчаливых молитв и бесплодных попыток заслужить его тепло.

Я почувствовала, как на меня обрушились десятки взглядов. Никто не смел говорить вслух, но в этих взглядах уже было все: жалость, удовлетворение, жадное любопытство, злое торжество тех, кто слишком долго ждал моего падения.

— Рейнар... — мой голос все-таки дрогнул, и я возненавидела себя за это.

Он повернулся ко мне, и в его глазах не было ничего. Ни сомнения, ни сожаления, ни памяти о том, кем мы были друг другу.

— Документы уже подготовлены, — сказал он тихо, только для меня. — После приема ты их подпишешь.

— После приема? — переспросила я, чувствуя, как губы немеют. — Ты объявляешь об этом вот так? Сейчас? Перед всеми?

— Именно поэтому сейчас, — ответил он. — Я не хочу слухов и домыслов. Дом должен видеть волю своего лорда ясно.

Дом.

Воля.

Лорд.

В эту секунду я поняла, что он все решил давно. Возможно, не сегодня. Возможно, не вчера. Может быть, месяцы назад. А я все это время оставалась рядом с ним не как жена, а как неубранная деталь прошлого, которую он наконец ре-

шил выбросить красиво и публично.

Женщина рядом с ним чуть склонила голову, и я услышала:

— Мне жаль, что все вышло так.

Ее голос был мягким. Почти искренним.

Я повернула к ней лицо.

— Не смейте жалеть меня, — сказала я так тихо, что услышала, кажется, только она.

Ее ресницы дрогнули. Возможно, она не ожидала, что у брошенной жены еще остались зубы.

Рейнар снова возвысил голос.

— Позвольте представить леди Селесту Морвейн.

По залу прокатился новый шепот. Имя было известно многим. Древний род, сильная кровь, амбиции, связи, безупречная репутация. Идеальная партия для драконьего лорда, которому нужен наследник и союз, выгодный совету.

Я смотрела на них обоих и чувствовала, как внутри медленно поднимается что-то страшнее боли. Не слезы. Не истерика. Что-то темное, раскаленное и чужое, словно глубоко под грудной клеткой просыпался уголек, который много лет лежал под пеплом.

Наверное, я должна была упасть. Убежать. Закрыть лицо руками. Сделать все то, чего от меня ждали.

Вместо этого я выпрямилась.

— Как предусмотрительно, — произнесла я громче, чем собиралась.

Головы в зале повернулись ко мне.

— Значит, вы все решили заранее. И даже нашли мне замену до того, как сообщили о разводе жене.

На скулах Рейнара дрогнула мышца. Это было почти незаметно, но я знала его слишком хорошо.

— Следи за словами, Лиора.

— Я семь лет следила за словами, — ответила я. — За своими, за чужими, за каждым вздохом, чтобы не задеть гор-

дось великого лорда драконов. Сегодня, полагаю, эта обязанность с меня тоже снята.

Кто-то в толпе шумно выдохнул. Кто-то отвел взгляд. Я же смотрела только на него. На мужчину, которого любила так долго, что сама перестала понимать, где заканчивается любовь и начинается унижение.

— Ты унизил меня перед всем двором, — сказала я. — Надеюсь, оно того стоило.

— Это необходимость.

— Нет, — тихо возразила я. — Это выбор.

На несколько секунд между нами повисло напряжение, настолько плотное, что, казалось, оно сейчас даст искру и вспыхнет прямо в воздухе. Его глаза сузились, мое сердце колотилось так сильно, будто пыталось проломить ребра, но я не опустила взгляда.

Я не подарю ему этого.

Не сегодня.

Рейнар шагнул ближе, и его голос стал почти неслышным:

— Не устраивай сцену. Уходи достойно, и я прослежу, чтобы твое дальнейшее содержание было обеспечено.

Содержание.

Слово ударило сильнее всего.

Не жена. Не женщина, с которой он прожил семь лет. Не та, с кем делил ночи, клятвы и имя. Просто бывшая обязанность, которой собираются выдать содержание.

Я улыбнулась. Медленно. Почти спокойно.

И впервые за весь вечер увидела в его взгляде не холод, а настороженность.

— Оставь себе свою милость, Рейнар, — сказала я. — Сегодня ты показал двору, кем считаешь меня. Я же теперь вижу, кем являешься ты.

Я развернулась, чувствуя, как подол платья тяжелой волной скользит по каменному полу, и пошла к выходу через расступающуюся толпу. Мне казалось, каждый шаг я делаю босиком по стеклу. Но спина оставалась прямой. Голова поднятой. Я не позволила себе ни одной слезы.

Только когда двери зала закрылись за мной, воздух вдруг стал ледяным.

Я остановилась в пустом коридоре, вцепившись пальцами в мраморный подоконник. Мир перед глазами качнулся. Из груди вырвался хриплый вдох, и сразу за ним — боль. Дикая, жгучая, невыносимая. Будто под кожей вдруг раскалили металл.

Я вскрикнула и опустила взгляд на левое запястье.

Там, где много лет едва заметно мерцала брачная метка рода Эстейн, сейчас расплзалась тонкая светящаяся трещина.

Золотая.

Живая.

Пульсирующая.

Я замерла, не в силах отвести глаз.

Еще одна трещина прорезала знак, и в тот же миг по венам прокатился огонь — не тот, что обжигает тело, а тот, что

будто вспоминает тебя изнутри. Из самых глубин. Из крови. Из чего-то древнего, забытого, страшного.

Я схватилась за стену, чтобы не упасть.

Коридор наполнился шепотом пламени.

Не настоящего. Внутреннего.

И в этой боли, в этом огне, в этом первом расколе моей прежней жизни я вдруг с пугающей ясностью поняла: сегодняшний вечер не просто уничтожил мой брак.

Он разбудил во мне нечто, что слишком долго спало.

Глава 2. Женщина рядом с ним

До своих покоев я добралась почти вслепую.

Коридоры замка, которые за семь лет стали мне привычнее собственного отражения, сейчас казались чужими. Слишком длинными, слишком холодными, слишком тихими. В них уже не было ни торжественной музыки, ни приглушенного гула голосов, только тяжелая пустота, в которой все еще звенели слова Рейнара.

«Сегодня я объявляю о расторжении моего брачного союза...»

Союза.

Не любви. Не семьи. Не брака, в который когда-то он сам вошел, держа меня за руку и обещая, что рядом с ним я никогда не буду бояться.

Я толкнула дверь покоев и едва успела сделать шаг внутрь, как ноги подкосились. Хорошо, что Мира, должно быть, услышала меня раньше и бросилась навстречу. Она подхватила меня за локоть с таким испугом, будто уже ожидала увидеть на мне кровь.

— Леди... — выдохнула она. — Светлые боги, что он сделал?..

Я хотела ответить спокойно, но вместо слов из груди вырвался короткий, сорванный смешок. Такой болезненный, что от него защипало в горле.

— То, что давно собирался, — сказала я и медленно высвободила руку. — Просто сегодня решил сделать это красиво.

Мира уставилась на меня, не сразу понимая.

— Он... это правда? Все, что сейчас шепчут в зале?

Я подошла к туалетному столику, положила ладони на резное дерево и опустила голову. В зеркале отражалась незнакомая женщина: бледная, с потемневшими глазами, слишком прямая, слишком напряженная, словно тело уже не верило, что имеет право расслабиться.

— Он объявил о разводе, — произнесла я, глядя в отражение. — При всем дворе. И представил Селесту Морвейн как женщину, которая, очевидно, должна занять мое место.

Мира тихо ахнула и прикрыла рот ладонью.

— Не может быть...

— Может.

Я подняла левую руку. Брачная метка на запястье по-прежнему светилась, но теперь ровнее, будто огонь внутри нее затаился. Трещина никуда не исчезла. Наоборот — стала отчетливее. Золотая, тонкая, как линия расплавленного металла под кожей.

Мира заметила это не сразу. А когда заметила, побледнела сильнее меня.

— Леди... ваша метка...

— Я вижу.

Она шагнула ближе, но не решилась коснуться. Смотрела так, будто перед ней было не запястье, а живая рана, способная укусить.

— Такого не бывает, — прошептала она. — Я никогда не слышала, чтобы брачная метка... трескалась.

— Я тоже.

На самом деле это пугало меня куда сильнее, чем я позволяла показать. В нашем мире брачные метки не были простой церемониальной магией. Для драконьих родов они значили слишком много. Союз, подтвержденный кровью и древними печатями, связывал не только имена, имущество и политические обязательства. Он касался силы. Ауры. Магической совместимости. Иногда даже судьбы.

Метка могла потускнеть, если чувства умирали. Могла стать холоднее, если супруги отдалялись. Но треснуть...

Это было неправильно.

Опасно.

Невозможно.

Я потянулась к застёжке на шее и сняла тонкую цепь с гербом Эстейн. Серебро звякнуло о стол, и от этого звука внутри снова что-то болезненно сжалось. Подарок первой брачной ночи. Символ принадлежности его дому. Когда-то мне казалось, что, надевая его, я надеваю новую жизнь. Сейчас я смотрела на него как на насмешку.

— Снимите платье, леди, — тихо сказала Мира. — Вам нужно лечь. Воды? Настой? Я позову лекаря.

— Нет.

— Но...

— Никаких лекарей, — отрезала я резче, чем собиралась.

Мира вздрогнула. Я закрыла глаза и медленно выдохнула.

— Прости. Я не хочу, чтобы кто-то еще видел меня в таком виде.

Она кивнула, хотя в ее глазах оставалась тревога.

Пока Мира помогала расстегнуть тяжелое платье, я поймала себя на мысли, что не чувствую ни стыда, ни слез, ни даже настоящей истерики. Только странную пустоту, в центре которой горел один-единственный раскаленный штырь.

Женщина рядом с ним.

Именно это не давало мне покоя так же сильно, как сам развод. Не слова, не документы, не потеря имени. А то, как естественно Селеста Морвейн стояла возле моего мужа. Как

спокойно держала его под руку. Как не отводила глаз, будто уже привыкла к этому месту. К его плечу. К его взгляду. К праву быть рядом.

Значит, это длится не первый день.

Не неделю.

Возможно, не один месяц.

Я медленно села в кресло и позволила Мире распустить мне волосы. Тяжелые шпильки одна за другой звякали о столешницу.

— Ты видела ее раньше? — спросила я неожиданно даже для себя.

— Кого? — не поняла Мира.

— Селесту Морвейн.

Мира замялась. Слишком заметно.

Я резко повернула к ней голову.

— Ты видела.

Она опустила глаза.

— Один раз, леди.

Внутри все застыло.

— Когда?

— Несколько недель назад. В западной галерее. Я несла лорду бумаги из библиотеки и увидела, как они разговаривали.

— Разговаривали? — переспросила я.

Мира нервно сцепила пальцы.

— Это выглядело... не как случайная беседа. Я не хотела вас тревожить. Думала, это может быть политический вопрос. Она из сильного рода. Ее отец связан с советом. Я не решилась...

Она осеклась, но мне уже не нужно было продолжение.

Несколько недель назад.

И это только то, что заметила Мира. Значит, было больше. Намного больше. Я представила, как они встречаются в этом замке, где каждый камень знал звук моих шагов. Как он говорил с ней тем же ровным голосом, каким когда-то говорил со мной. Как смотрел. Как, возможно, обсуждал наше будущее так, будто меня уже нет.

Боль вернулась резко, подло, как нож между ребер.

Я встала так внезапно, что Мира отпрянула.

— Леди?

— Мне нужно знать все, — сказала я.

— Сейчас?

— Именно сейчас. Потом у меня уже не останется ни времени, ни права задавать вопросы.

Я подошла к окну. Ночь была темной, но со двора доносились отблески огня и далекий гул приема. Праздник продолжался. Замок ел,пил, шептался и обсуждал падение своей хозяйки, пока я стояла здесь, еще не успев осознать, кем стану к утру.

— Говори, — произнесла я. — Все, что слышала. Все, что видела. Все, о чем молчала из жалости ко мне.

Мира побледнела.

— Я не из жалости молчала, леди...

— Я знаю. Но все равно говори.

Она долго собиралась с силами. Настолько долго, что я успела увидеть в стекле свое отражение на фоне ночи: распущенные волосы, тонкая рубашка, лицо женщины, которая за один вечер стала старше на несколько лет.

— Внизу шептались уже давно, — наконец сказала Мира. — Сначала осторожно. Потом смелее. Говорили, что совет недоволен. Что роду Эстейн нужен наследник. Что у лорда слишком сильная кровь, чтобы тратить годы на бесплодный союз.

Слово ударило точно в цель.

Бесплодный.

Я прикрыла глаза, но не перебила.

— А когда в столицу вернулась Селеста Морвейн, — продолжила Мира почти шепотом, — слухи стали хуже. Ее имя часто звучало рядом с именем вашего мужа. Многие считали, что ее семья хочет союза с Эстейнами. Я надеялась, что это просто домыслы. Правда. Но потом заметила, что лорд стал слишком часто покидать вечерние заседания через западное крыло. А там как раз покои для высоких гостей.

Я медленно развернулась к ней.

— Ты хочешь сказать, он принимал ее здесь? В моем доме?

— Я не знаю, что именно между ними было, — быстро сказала она. — Не видела ничего такого. Только встречи. Разговоры. Однажды она вышла из его кабинета. Поздно. Очень поздно.

Мир вдруг качнулся, и я ухватила за подоконник.

Он принимал ее здесь.

Пока я спала одна в наших покоях. Пока ждала его шагов. Пока оправдывала холод усталостью, делами, обязанностями. Пока продолжала верить в достоинство мужчины, который, как оказалось, уже давно готовил мне замену.

— Леди... — Мира шагнула ко мне. — Сядьте, пожалуйста.

— Нет.

Голос прозвучал чужим. Твердым. Почти металлическим.

Удивительно, как быстро человек перестает быть прежним. Еще утром я думала, что худшее — это снова услышать вежливую фразу о том, что мне стоит набраться терпения. Что Рейнар занят. Что совет давит. Что когда-нибудь все наладится.

Теперь я знала: ничего не наладится. Потому что не ломалось внезапно. Это гнило давно. Тихо. Медленно. Под красивой оболочкой. А сегодня просто сорвали покров.

— Где документы? — спросила я.

— Какие?

— О разводе. Он сказал, что они подготовлены.

Мира растерянно моргнула.

— Думаю... их принесут.

И словно в ответ на ее слова, в дверь постучали.

Мы обе замерли.

Еще один стук. Четкий, официальный. Без капли сомнения.

— Войдите, — сказала я.

На пороге появился дворцовый управляющий. Старый, сухой, безупречно вежливый человек, служивший дому Эстейн дольше, чем я жила в этом замке. В руках он держал темную папку с восковой печатью.

Он поклонился. Слишком низко. Слишком формально.

— Леди Лиора, по распоряжению лорда...

— Оставьте, — прервала я.

Он подошел, положил папку на стол и снова поклонился.

— Вам также велено ознакомиться с новыми условиями проживания. До завершения всех процедур вы остаетесь в

этих покоях. После полудня завтрашнего дня вас переведут в восточное крыло.

Я смотрела на него, не сразу поняв смысл сказанного.

— Переведут?

— Да, леди. Эти покои будут освобождены.

Для новой хозяйки.

Он не произнес этого вслух, но воздух будто сказал за него.

— Понятно, — ответила я.

Управляющий помедлил.

— Лорд просил передать, что будет ожидать вашей подписи до полуночи.

До полуночи.

Как щедро. Он дарил мне несколько часов, чтобы достойно расписаться под собственной казнью.

— Можете идти, — сказала я.

Он ушел так же тихо, как и вошел.

Некоторое время мы с Мирой просто смотрели на папку. Я — с ледяным оцепенением. Она — с ужасом.

Потом я подошла и сломала печать.

Внутри действительно лежали документы. Несколько листов дорогой бумаги, составленных сухим, юридически безупречным языком. Расторжение брачного союза. Утрата права на имя Эстейн. Перераспределение имущества. Ограниченное содержание. Передача части личных вещей. Обязательство покинуть главные покои. Запрет на участие в заседаниях дома и приеме официальных делегаций.

С каждой строкой мои пальцы холодели все сильнее.

Это был не развод.

Это было аккуратно оформленное вычеркивание меня из жизни рода.

Словно семи лет не существовало.

Словно я никогда не носила это имя.

Словно не стояла рядом с ним во время приемов, поездок, траурных церемоний, дипломатических визитов, бесконечных советов, зимних балов, летних смотров. Словно не поддерживала его, когда погиб его отец. Словно не сидела у его постели после ранения на южной границе. Словно не молчала там, где любая другая давно бы начала кричать.

Я дошла до последнего листа и увидела место для подписи.

Ниже — уже стояла подпись Рейнара.

Размашистая. Уверенная.

Он подписал все заранее.

Разумеется.

— Подонок, — тихо выдохнула Мира, заглянув мне через плечо, и тут же испуганно прикрыла рот, будто сказала нечто святотатственное.

А я вдруг почувствовала, что хочу смеяться.

Не от веселья. От предела. От того страшного, звенящего напряжения, за которым уже не остается ничего, кроме смеха или безумия.

— Нет, — сказала я. — Он слишком расчетлив для простого подонка.

Я положила бумаги обратно в папку и закрыла ее.

— Леди, вы же не подпишете это сейчас? — спросила Мира почти умоляюще. — Не после такого. Пусть хотя бы придет сам. Пусть скажет вам все в лицо без толпы, без своей... без этой женщины.

Женщина рядом с ним.

Снова перед глазами встала Селеста. Ее ровная спина. Уверенный подбородок. Теплый янтарный цвет платья. И то, как органично она смотрелась возле него, будто мир уже привык считать их парой, а я одна опоздала узнать, что мое место занято.

— Нет, — ответила я. — Сейчас не подпишу.

Мира облегченно выдохнула.

Я опустила ладонь на папку.

— Я подпишу, когда сама решу. Не потому, что он дал срок до полуночи. И не потому, что приказал. А потому, что я не позволю ему думать, будто может распоряжаться даже моим падением.

В этот миг метка на запястье вспыхнула так резко, что я вскрикнула.

Золото трещины налилось светом. Он прошел по коже тонкой раскаленной змейкой, поднялся выше по руке, и комната на секунду задрожала. Стекла в окнах мелко зазвенели. Пламя в камине рванулось вверх, будто его потянуло невидимым ветром.

Мира отшатнулась.

— Леди!

Я схватилась за край стола. Воздух стал густым, как перед грозой. Где-то глубоко внутри снова поднялось то странное чувство, знакомое по коридору, — не боль даже, а давление силы, которую тело не умело в себе держать.

На миг мне показалось, что я слышу шепот.

Не слова. Отголосок. Древний звук, похожий на треск ко-
стра и шелест огромных крыльев.

Потом все резко оборвалось.

Пламя в камине осело. Стекла перестали дрожать. Мет-
ка потускнела, оставив после себя лишь горячую линию под
кожей.

В комнате воцарилась тишина.

— Что это было?.. — едва слышно спросила Мира.

Я медленно выпрямилась, чувствуя, как бешено колотит-
ся сердце.

— Не знаю, — честно сказала я.

Но одна мысль в голове уже оформилась слишком ясно,
чтобы от нее можно было отвернуться.

Мой развод что-то сломал.

Или, наоборот, освободил.

Я снова посмотрела на папку с документами, потом на темное окно, за которым в чужом мне уже замке продолжался праздник. Рейнар, наверное, сейчас стоял там же, где и раньше: прямой, холодный, безупречный. Принимал поздравления, ловил одобрение совета, чувствовал себя человеком, который окончательно навел порядок в собственной жизни.

Пусть.

Пока он празднует мою смерть как жены, я впервые начинаю чувствовать, что внутри меня просыпается кто-то, кого он никогда не знал.

И, возможно, зря.

Глава 3. Ты больше не носишь мое имя

Я не спала.

Ночь тянулась медленно, как кровь из глубокой раны, и с каждым часом замок становился все тише. Сначала стихла музыка. Потом исчезли шаги слуг в коридорах. Потом затихли даже последние пьяные голоса во внутреннем дворе. Праздник закончился, а вместе с ним — моя прежняя жизнь.

Я сидела у окна в тонком домашнем платье, не чувствуя ни холода, ни усталости. Передо мной на столике стояла та самая папка с документами, рядом — остывший чай, к которому я так и не притронулась. Мира несколько раз пыталась уговорить меня лечь, хоть ненадолго закрыть глаза, но в итоге сама уснула в кресле у камина, измученная не меньше моего.

Я ей завидовала.

Сон казался роскошью, которую мне больше не позволяли.

Иногда я смотрела на запястье. Трещина на метке не исчезала. Теперь она выглядела почти спокойно — тонкая, светящаяся нить среди знакомого рисунка брачного знака. Но я уже знала: спокойствие это ложное. Стоило мне вспомнить его голос, его лицо рядом с Селестой, слово «содержание» или фразу про обязанности, как под кожей начинал ворочатся жар.

К рассвету я перестала чувствовать себя разбитой. Во мне осталось что-то другое. Не сила еще. Не ясность. Но странная, звенящая собранность, как перед ударом.

Когда в дверь постучали, небо за окном только-только начинало сереть.

Я не вздрогнула.

— Войдите, — сказала я ровно.

Мира тут же проснулась, вскинулась с кресла, не сразу понимая, где находится. На пороге стоял не слуга и не управляющий.

Рейнар.

В первое мгновение мне показалось, что сердце все-таки

предаст меня — сорвется, дрогнет, напомним, что этот мужчина семь лет был моим мужем, что я ждала его шагов вечерами, училась угадывать по выражению лица его настроение, помнила, каким он бывал в редкие минуты настоящей близости. Но ничего этого не произошло.

Я просто смотрела на него.

Он был уже без парадного камзола, в темном дорожном сюртуке, будто собирался не на разговор с женой, а на очередное деловое заседание. Свежий, собранный, безупречный. Ни следа бессонной ночи. Ни тени сомнений. Только жесткая линия рта и взгляд человека, который пришел завершить начатое.

Когда-то именно это в нем восхищало двор: умение принимать решения без дрожи в голосе и лишних сантиментов. Теперь я впервые увидела истинную цену этой черты.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

Ни приветствия. Ни извинения. Ни даже формального вопроса, можно ли войти.

— Разве ты уже не сказал все, что хотел? — ответила я.

Он скользнул взглядом по комнате, заметил папку, заметил Миру, стоявшую чуть позади меня, и сухо произнес:

— Оставь нас.

Мира напряглась. Я почувствовала это спиной.

— Мира останется, — сказала я.

Его глаза сузились.

— Это разговор между супругами.

Я медленно поднялась с кресла.

— Нет, Рейнар. Вчера ты ясно объяснил всему двору, что супругами мы больше не являемся. Так что теперь я сама решаю, при ком мне тебя слушать.

На короткий миг в его лице мелькнуло раздражение. Настоящее. Живое. Не ледяное равнодушие, а трещина в привычном самоконтроле. Раньше я бы испугалась этой вспышки. Сейчас — почти с удовольствием отметила, что могу ее вызвать.

Он перевел взгляд на Миру.

— Выйди и закрой дверь.

— Останься, — сказала я, не оборачиваясь.

Мира застыла, переводя взгляд с меня на него, будто понимала, что стоит между двумя скалами, которые вот-вот сойдутся.

Рейнар сделал шаг в комнату.

— Лиора, не вынуждай меня повторять.

— А если вынужу? — спросила я спокойно. — Что тогда? Прикажешь слугам держать меня, пока я ставлю подпись? Или опять устроишь зрелище, только уже без зрителей?

Он остановился.

Тишина натянулась между нами, как струна.

В эти секунды я вдруг очень ясно поняла: раньше в подобных разговорах я всегда искала путь к миру. Подбирала слова осторожнее, сглаживала углы, не позволяла себе открытой резкости. Я так долго жила в роли женщины, которая должна сохранять покой в доме сильного мужа, что почти забыла

вкус собственного гнева.

Теперь я его вспомнила.

— Мира, — произнесла я, не сводя глаз с Рейнара, — оставь нас. Но не уходи далеко.

Она поколебалась, потом коротко поклонилась мне и быстро вышла. Дверь закрылась мягко, почти бесшумно.

Мы остались одни.

Я видела, как Рейнар ждет, что я сяду, отведу взгляд, позволю ему снова взять разговор в руки. Но не двинулась с места.

— Ты могла избавить нас обоих от лишней сцены, — сказал он.

Я не сразу поняла смысл этих слов, настолько они были чудовищны в своей будничности.

— Лишней сцены? — переспросила я. — Ты сейчас о какой именно? О той, где ты унизил меня перед двором? Или о той, где пришел на рассвете требовать, чтобы я сделала это удобнее для тебя?

— Я не требую удобства. Я требую порядка.

— Конечно. Ты всегда требуешь только порядка.

Он подошел ближе, и я почувствовала знакомый запах — холодный, древесный, с легкой горечью драконьего огня. Запах, от которого раньше внутри разливалось тепло. Теперь он вызывал почти физическое отторжение.

— Ты знала, что совет больше не считает этот союз жизнеспособным, — сказал он.

— Совет? — тихо повторила я. — Как интересно. А я думала, мы говорим о браке, а не о торговом соглашении между домами.

— Для драконьих родов это одно из другого не исключает.

— А для тебя?

Он не ответил.

Я усмехнулась. Безрадостно. Почти устало.

— Значит, все-таки для тебя тоже.

Рейнар смотрел на меня так, будто я снова делала что-то неразумное. Не кричала. Не плакала. Не устраивала истерики. И именно это, кажется, раздражало его сильнее всего. Он пришел, уверенный, что столкнется с разбитой женщиной, которую нужно либо утихомирить, либо снисходительно дождать. Но перед ним стояла не та Лиора, что вчера утром.

Я сама еще не знала, кто стоит на ее месте.

— Я пришел не для того, чтобы спорить о прошлом, — произнес он наконец. — Я пришел объяснить тебе, как будут обстоять дела дальше.

— Объяснить? Как милостиво.

— Перестань.

— Нет, Рейнар. Не перестану. Ты слишком долго говорил со мной так, будто мои чувства — это досадная помеха к важным делам. Сегодня можешь послушать сам.

В золотистых глазах вспыхнуло предупреждение.

— Следи за тоном.

— А иначе что? — спросила я. — Ты уже забрал у меня имя, дом, место рядом с собой. Что еще осталось? Право говорить с тобой без страха?

Он сжал челюсть.

— Я ничего не забирал. Я обеспечил тебе будущее. Ты не останешься без средств, без защиты, без положения.

На секунду мне показалось, что я ослышалась.

— Без положения? — переспросила я. — Благодарю за щедрость. Как хорошо, что мужчина, который публично вычеркнул меня из своей жизни, позаботился, чтобы я не умерла с голоду.

— Ты намеренно искажаешь мои слова.

— А ты намеренно сделал из нашего брака приговор, зачитанный перед толпой.

Он резко выдохнул, словно пытался удержать вспышку раздражения.

— Ты хочешь правду? Хорошо. Да, я сделал это публично, потому что иначе двор разорвал бы нас слухами. И потому

что иначе ты бы продолжала жить в иллюзии, что все еще можно вернуть.

Слова ударили безжалостно. Но не так, как он ожидал. Не разбили. Только отрезали что-то последнее, что еще болталось внутри рваной нитью.

Я смотрела на него и вдруг с пугающей ясностью видела, как долго обманывалась не только в нем, но и в себе. Как цеплялась за редкие теплые воспоминания, пытаюсь ими оправдать годы холода. Как называла терпением то, что было страхом потерять хоть кроху его внимания. Как берегла брак, который он уже давно перестал считать живым.

— Ты прав, — сказала я.

Он замолчал.

Наверное, ожидал другого.

— Я действительно жила в иллюзии, — продолжила я. — Только не в той, о которой ты думаешь. Я слишком долго считала тебя человеком чести.

На этот раз его лицо действительно изменилось. Не сильно. Чуть заметно. Но я увидела. И этого было достаточно.

— Осторожнее, Лиора.

— Почему? Больно слышать правду? Мне вчера тоже было больно. Однако ты не выглядел человеком, которого это волнует.

Я подошла к столу, взяла папку с документами и положила ее перед ним.

— Ты подписал их заранее.

— Да.

— Значит, все было решено давно.

— Да.

Он даже не пытался солгать.

Странно, но именно эта сухая честность сейчас обжигала сильнее всего. Не измена, еще не доказанная до конца. Не Селеста. А то, как легко он признал, что уже давно все решил и просто позволял мне жить в неведении.

— Сколько? — спросила я. — Месяц? Полгода? Год?

— Это не имеет значения.

— Для меня имеет.

Рейнар отвел взгляд к окну.

— Совет начал настаивать на пересмотре союза зимой.

— А ты?

Он помолчал. И это молчание ответило лучше любых слов.

— Понятно, — сказала я тихо.

Значит, не вчера. Не на балу. Не в минуту порыва. Он успел все обдумать. Взвесить. Обсудить с советом. Подобрать другую женщину. Подготовить бумаги. Выбрать момент. Выстроить спектакль. И все это — пока я еще сидела рядом с ним за одним столом, делила с ним дом, ждала хоть знака, что между нами осталось что-то живое.

— Ты больше не носишь мое имя, — произнес он вдруг.

Я вскинула голову.

Он сказал это ровно. Почти официально. Как пункт из договора.

— С сегодняшнего дня ты возвращаешься к имени своего рода. Все личные печати дома Эстейн, украшения с гербом и доступ к архивам должны быть переданы управляющему. О твоём новом статусе уже уведомлены внутренние службы замка.

Несколько секунд я просто смотрела на него.

Вот, значит, зачем он пришел на самом деле. Не поговорить. Не объяснить. Не даже удостовериться, что я подпишу бумаги. Он пришел окончательно обозначить границы. Отрезать. Напомнить, что все уже решено без меня.

Я медленно потянулась к пальцу правой руки.

Тонкое кольцо с черным камнем и серебряным драконом — брачное. Не главное церемониальное, а повседневное, которое я носила все эти годы почти не замечая. Оно сидело так привычно, что кожа под ним была светлее.

Я сняла его не сразу.

Пальцы дрогнули — впервые за весь разговор.

Потом я положила кольцо на папку.

Звук вышел очень тихим. Но в этой комнате он прозвучал почти как удар.

Рейнар не пошевелился.

Тогда я сняла серьги с гербом его рода. Браслет. Цепочку, которую вчера бросила на стол. Все по очереди легло рядом с бумагами. Серебро, черный металл, драконьи символы. Семь лет чужого имени, сложенные в небольшую холодную кучку.

— Этого достаточно? — спросила я.

Он посмотрел на украшения, потом на меня.

— Лиора, не нужно превращать это в...

— Во что? В унижение? Оно уже случилось. Просто теперь я хочу смотреть на него прямо.

Он шагнул ко мне, и в голосе впервые за все время появилась живая жесткость.

— Ты переходишь границу.

Я подняла подбородок.

— Нет. Это ты ее разрушил.

Тишина снова стала тяжелой.

Потом он сказал то, чего, возможно, не собирался, но что вырвалось само:

— Ты никогда не подходила этому дому так, как должна была.

Слова повисли между нами.

Вот оно.

Не про наследника. Не про совет. Не про политику. Глубже. Жестче. Честнее.

Я медленно выдохнула.

— Спасибо.

Он нахмурился.

— За что?

— За то, что наконец сказал правду без красивых формулировок. Не «интересы рода». Не «обстоятельства». Не «необходимость». А просто: я тебе не подходила.

— Я не это имел в виду.

— Нет, именно это.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри вместо боли поднимается что-то другое. Темное спокойствие. Опасное. Почти холодное.

— Знаешь, что самое страшное, Рейнар? — спросила я.
— Не то, что ты меня разлюбил. И не то, что выбрал другую. А то, что ты позволил мне годами думать, будто я должна стараться еще сильнее, быть еще тише, еще удобнее, еще терпеливее, чтобы однажды стать достойной твоего дома. Ты смотрел, как я ломаю себя ради брака, который уже решил уничтожить. И молчал.

Его лицо на мгновение стало абсолютно неподвижным.

— Это был твой выбор, — сказал он.

Я почувствовала, как что-то внутри меня обрывается окончательно.

И в тот же миг метка на запястье вспыхнула.

Резко. Яростно. Ослепительно.

Я вскрикнула и схватилась за руку. Золотая трещина рванулась шире, как молния по стеклу. От нее вверх по предплечью побежали тонкие нити света, и комната дрогнула. Бумаги на столе взметнулись от невидимого порыва. Пламя в камине вспыхнуло вдвое выше. Окно задребезжало.

Рейнар мгновенно оказался рядом.

— Что это?..

Он схватил меня за локоть, и от его прикосновения жар стал нестерпимым. Но вместе с болью пришло еще кое-что — сила, дикая, незнакомая, рвущаяся наружу.

Я дернулась.

И его отшвырнуло.

Не руками. Не магическим жестом. Просто волной. Невидимой, но чудовищно сильной. Рейнар отлетел на несколько шагов и врезался плечом в край книжного шкафа. Дерево глухо стукнуло, на пол посыпались несколько книг.

В комнату тут же влетела Мира.

— Леди!

Я стояла посреди комнаты, тяжело дыша, прижимая руку к груди. Свет на запястье гас так же быстро, как вспыхнул, но воздух все еще звенел от остатка силы. На лице Миры застыл ужас. На лице Рейнара — не ужас даже.

Потрясение.

Он медленно выпрямился, не сводя с меня глаз.

— Повтори, — сказал он хрипло.

Я даже не сразу поняла, о чем он.

— Что?

— Метку. Покажи.

В его голосе впервые не было ни снисходительности, ни раздражения, ни приказного холода. Только напряжение, слишком острое для человека, привыкшего все контролировать.

Я опустила взгляд на руку.

Золотая трещина светилась теперь так ярко, что ее невозможно было не заметить.

Рейнар смотрел на нее несколько долгих секунд, будто видел нечто, чего не должно существовать.

— Это невозможно, — произнес он наконец.

Я подняла глаза.

— Вчера ты тоже многое считал невозможным.

Он сделал шаг ко мне. Потом еще один. Осторожно, почти недоверчиво.

— Кто видел это до меня?

— Какая разница?

— Отвечай.

— Не смей мне приказывать, — сказала я.

И снова увидела, как его лицо на миг меняется. Потому что он услышал не просто отказ. Он услышал женщину, которая больше не боится.

Мира встала рядом со мной, маленькая, бледная, но упрямая. Будто была готова заслонить меня собой, если понадобится. Этот жест тронул бы меня, если бы у меня сейчас оставалось место для нежности.

— Никто не должен знать, — произнес Рейнар.

Я рассмеялась. Тихо. Почти беззвучно.

— Как удобно. Когда ты хотел унижить меня, свидетели были нужны. А когда произошло что-то важное — вдруг понадобилась тишина.

— Ты не понимаешь, с чем столкнулась.

— А ты понимаешь?

Он замолчал.

И этого было достаточно.

Я выпрямилась. Метка еще жгла, но уже не так страшно. Теперь жар внутри ощущался иначе — не как чистая боль, а как сила, которая пробует на вкус мои кости, кровь, дыхание. Будто что-то древнее действительно просыпалось и впервые открывало глаза.

— Уходи, Рейнар, — сказала я.

— Лиора...

— Нет. Ты хотел прийти и сообщить мне, что я больше не ношу твое имя. Ты сообщил. Теперь я говорю тебе другое: уходи из моих покоев.

Его взгляд стал тяжелым.

— Это все еще мой дом.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Тогда наслаждайся им. Но не жди, что я буду умирать у тебя на глазах красиво и молча.

Он стоял неподвижно еще несколько секунд. Потом его взгляд снова скользнул к моей руке, и я увидела в нем нечто новое. Не раскаяние. Не нежность. Не жалость.

Интерес.

Опасный, острый, почти хищный.

Вот теперь мне стало по-настоящему холодно.

Потому что если до этого я была для него проблемой, которую удобно убрать, то сейчас внезапно могла стать чем-то совсем иным. Чего он не понимал. Чего не ожидал. Чего, возможно, не сможет контролировать.

А Рейнар Эстейн не любил того, что невозможно контролировать.

Он развернулся и направился к двери. Уже на пороге остановился.

— Никому не показывай метку, — сказал он, не оборачиваясь. — И ничего не подписывай до моего возвращения.

Я смотрела ему в спину, и во мне медленно поднималась

ярость.

Даже теперь. Даже после всего. Он все еще считал, что может распоряжаться моими действиями.

— Я подпишу тогда, когда захочу, — ответила я. — И покажу руку тому, кому сочту нужным. Ты больше не мой муж, Рейнар. Не забывай об этом.

Он вышел, не сказав ни слова.

Дверь закрылась.

В комнате стало тихо.

Мира повернулась ко мне с круглыми, испуганными глазами.

— Леди... что происходит?

Я посмотрела на золотую трещину на запястье, на разбросанные книги, на украшения дома Эстейн, лежащие на столе, как сброшенная кожа прошлой жизни.

И впервые за весь этот кошмар поняла одну простую вещь.

Вчера он отнял у меня имя.

Но, возможно, сам же разбудил то, что сделает меня сильнее этого имени.

— Не знаю, — сказала я тихо. — Но, кажется, это только начало.

Глава 4. Последняя ночь в замке

После ухода Рейнара в комнате еще долго стояла его тень.

Не настоящая, конечно. Но слишком ощутимая, чтобы можно было просто сделать вид, будто ничего не произошло. Воздух все еще хранил остаток той ледяной напряженности, с которой он вошел сюда на рассвете, и след от силы, вспыхнувшей между нами, тоже никуда не исчез. Мне казалось, если провести ладонью по пространству возле стола, можно снова почувствовать дрожь магии, услышать сухой треск бумаги, увидеть, как его впервые отбрасывает от меня не слово, не упрек, не слеза, а что-то совсем иное.

Что-то мое.

Я стояла посреди комнаты неподвижно, будто боялась пошевелиться и спугнуть это новое, опасное ощущение. Запястье все еще жгло. Не так резко, как раньше, но глубоко, словно под кожей тлел тонкий золотой шов. Я смотрела на него и понимала: отныне уже ничего не будет прежним. Ни развод. Ни унижение. Ни даже моя боль. Потому что теперь к ней примешалось знание — во мне действительно есть нечто, чего никто не ждал. Ни я. Ни Рейнар. Ни, кажется, весь этот дом.

— Вам нужно сесть, — тихо сказала Мира.

Я медленно опустилась в кресло. Только сейчас поняла, как дрожат ноги. Не от слабости — от напряжения, которое тело держало слишком долго.

Мира опустилась передо мной на колени, осторожно взяла мою руку и, увидев метку вблизи, снова побледнела.

— Она стала другой, — прошептала она. — Совсем другой.

— Я вижу.

Золотая трещина больше не казалась случайным повреждением печати. Теперь она врезалась в старый знак как новая линия судьбы — живая, упрямая, сияющая изнутри. И весь рисунок брачной метки вокруг нее выглядел так, будто давно принадлежал не мне, а какой-то другой женщине. Той, что терпела, ждала, молчала и надеялась. Я смотрела на собственную кожу и чувствовала странную, почти жестокую отстраненность к прежней себе.

— Лорд велел никому не показывать, — сказала Мира, все еще не поднимая глаз.

— Он много чего велел.

— Я не об этом. — Она наконец посмотрела на меня. — Он испугался.

Слово было неожиданным.

— Рейнар? Испугался?

— Да. Не так, как обычные люди. Но я видела. На миг. Когда вас отбросило... когда его отбросило. Он не понимал, что видит.

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Да, она была права. Это не было просто раздражением или злостью. В том взгляде действительно мелькнуло нечто гораздо более редкое для Рейнара — потеря опоры. Человек, который привык все знать и просчитывать заранее, вдруг столкнулся с тем, что не укладывалось ни в одну из его схем.

И это почему-то приносило мне почти горькое удовлетворение.

— Хорошо, — сказала я спустя паузу. — Значит, хотя бы один раз за эту ночь он почувствовал себя неуверенно.

Мира осторожно поднялась.

— Что вы будете делать?

Я открыла глаза и посмотрела на комнату так, будто видела ее в последний раз. Возможно, так и было.

Эти покои мне отвели сразу после свадьбы. Слишком большие для одной меня и слишком пустые в те ночи, когда Рейнар не приходил. Высокие окна, темное дерево, серебряная отделка, тяжелые шторы, камин из черного мрамора, книги на полках, ширма в восточном стиле — его подарок после второй зимы брака. В каждом предмете здесь был след прошлого: либо того, что когда-то казалось счастьем, либо того, как это счастье медленно умирало.

Вон на подоконнике стояла фарфоровая шкатулка, которую он привез мне из южных земель в тот год, когда еще помнил, что мне нравятся мелочи. На спинке дивана лежал плед, под которым я грелась зимой, ожидая его до глубокой ночи. На полке у кровати — книга легенд о древних драконах, которую я начала читать вслух однажды во время его болезни, а закончила уже в одиночестве, потому что потом ему стало не до меня.

Смешно, как легко вещи становятся могилами чувств.

— Собирай мои личные вещи, — сказала я.

Мира растерянно моргнула.

— Сейчас?

— Да. Не хочу ждать полудня, как будто меня собираются переводить из комнаты в комнату по воле доброго хозяина. Пусть забирают стены. Я заберу то, что принадлежит мне.

— Но куда мы пойдем? В восточное крыло?

Я перевела на нее взгляд.

— Это не «мы». Это «я». Ты не обязана идти со мной.

Она вспыхнула так, будто я ее оскорбила.

— Леди, как вы можете такое говорить?

Я слабо улыбнулась. Впервые за много часов не из горечи, а почти по-настоящему.

— Потому что не хочу, чтобы ты пострадала из-за меня.

Когда в доме появляется новая хозяйка, старые слуги быстро становятся неудобными.

— Пусть, — упрямо ответила Мира. — Я не останусь служить той женщине.

Той женщине.

Даже не имя. Просто чужая фигура, вставшая на мое место.

Я отвела взгляд к окну. Утро уже окончательно вступило в права. По двору сновали слуги, где-то внизу открывали ставни, в конюшнях слышались голоса. Замок жил дальше, будто вчерашний вечер не разрушил ничью судьбу. Наверное, для большинства так и было. Мой брак для них был событием. Слухом. Темой на несколько дней. Для меня — концом жизни, которую я считала своей.

— Собирай только то, что действительно нужно, — сказала я. — Остальное пусть остается.

Мира кивнула и сразу ушла в гардеробную. Я слышала, как она открывает сундуки, складывает платья, перебирает белье, шуршит тканью. Эти звуки наполняли комнату странным ощущением поспешных похорон.

Я подошла к столику и снова раскрыла папку с документами. Теперь, после ухода Рейнара, я читала их уже иначе. Не как ошеломленная женщина, на которую обрушился удар, а как человек, которого пытаются аккуратно лишить почвы под ногами.

Формулировки были безупречны. Слишком безупречны. Меня лишали не только имени Эстейн, но и значительной части личного доступа к финансам, подаренным мне за годы брака. Отдельным пунктом шло ограничение на переписку с внешними родами без одобрения управляющего в течение переходного периода. Переходного периода. Какая изящная фраза для клетки.

Чем дольше я читала, тем отчетливее понимала: дело не только в разводе. Рейнар или совет — а скорее и то и другое — хотели сделать мое исчезновение тихим, безопасным и контролируемым. Отодвинуть в сторону, обеспечить внешнюю благопристойность, не позволить мне ни голоса, ни влияния, ни права выйти из этой истории не сломанной, но свободной.

Я медленно закрыла папку.

Нет.

Этого я ему не дам.

Не знаю, откуда во мне взялась такая ясность. Может быть, от бессонной ночи. Может, от унижения, после которого уже нечего терять. А может, это золотая трещина на руке меняла не только мою магию, но и что-то глубже — саму ткань характера, слишком долго стянутую в узел послушания.

В дверь снова постучали.

На этот раз я действительно напряглась.

— Кто? — спросила я.

— Управляющий, леди.

Как вовремя.

— Войдите.

Старик появился на пороге с той же безупречной сухостью, но теперь в его руках был длинный список и связка ключей. Я почти восхитилась этой скоростью. Еще солнце как следует не поднялось, а мой быт уже деловито перерас-

пределяют.

— Леди Лиора, — начал он, поклонившись. — Я пришел сообщить, что по распоряжению лорда часть ваших вещей будет опечатана до завершения проверки.

— Проверки чего? — спросила я.

Он чуть заметно запнулся.

— Имущества дома.

— Моего имущества или имущества дома?

— Всего, что находится в этих покаях.

Я смотрела на него спокойно, но внутри медленно поднимался холод.

— Значит, меня еще и подозревают в том, что я унесу лишнее?

— Это стандартная процедура.

— Не лгите мне, — сказала я тихо.

Управляющий поднял на меня глаза. Умный человек. Преданный дому, а не мне. Но не глупый.

— Лорд желает избежать недоразумений.

— Лорд желает, чтобы даже после развода все происходило только по его правилам.

Он промолчал.

Я подошла к столу, взяла со стопки украшений цепочку с гербом Эстейн и протянула ему.

— Передайте это. И скажите лорду, что я не нуждаюсь в его «недоразумениях». Мои личные вещи будут собраны отдельно. Все, что принадлежит дому, останется здесь.

Управляющий принял цепочку осторожно, будто это была не драгоценность, а кусок льда.

— Я передам.

— И еще. — Я посмотрела ему прямо в глаза. — Никто не войдет в мои покои без стука и моего разрешения, пока я их не покину. Даже если это новая гостья лорда. Вам ясно?

Это был дерзкий приказ. Возможно, последний, который я вообще имела право отдавать в этом доме. Но я не собиралась уступать даже остатки собственного достоинства.

Старик помедлил лишь мгновение.

— Да, леди.

Когда он вышел, я позволила себе короткий выдох. Кажется, впервые за долгое время я разговаривала с людьми не как женщина, которая просит оставить ей хоть что-то, а как человек, который сам устанавливает границу.

Это было новое чувство.

И опасно приятное.

Мира появилась из гардеробной с ворохом платьев в руках.

— Леди, некоторые наряды подарены лордом. Их тоже оставить?

Я посмотрела на ткани. Дорогие, красивые, тщательно подобранные по его вкусу. Цвета, которые он предпочитал видеть на мне: глубокий синий, темное серебро, винный, чер-

ный. Сколько раз я надевала их не потому, что сама так хотела, а потому, что знала — так он хотя бы отметит взглядом, что я рядом.

— Оставь, — сказала я. — Все, что он выбирал для своей жены, ему больше не понадобится.

Мира кивнула.

Мы собирали вещи молча. Иногда она спрашивала о чем-то коротко, и я отвечала так же коротко. Личные письма. Несколько книг. Дорожный плащ. Старый медальон моей матери. Небольшая шкатулка с семейной печатью рода Вальтер, к которой я давно не притрагивалась, будто боялась напомнить себе, что у меня когда-то была иная жизнь, не связанная с домом Эстейн.

Я открыла шкатулку и на мгновение замерла.

Внутри лежало письмо. Старое, пожелтевшее по краям, запечатанное воском с гербом моего рода. Я не сразу вспомнила, откуда оно взялось. Потом память вернулась — это письмо привезли через несколько месяцев после смерти моего отца, и тогда у меня не хватило сил его прочитать. Слишком много всего происходило. Свадьба. Переезд. Новый дом. Новая роль. Я спрятала его и забыла.

Сейчас пальцы сами потянулись к печати.

Странно, но именно в этот миг за дверью слышались шаги. Не слуг. Не управляющего. Более легкие. Более уверенные. И женские.

Мы с Мирой одновременно обернулись.

Шаги остановились прямо у моих дверей.

Стук.

Спокойный. Неторопливый. Будто тот, кто стоял снаружи, не сомневался, что ему откроют.

Мира побледнела.

Мне не нужно было спрашивать, кто это.

Я и так знала.

Женщина рядом с ним пришла ко мне сама.

Несколько секунд я стояла неподвижно, чувствуя, как по запястью медленно растекается жар. Не вспышка, не боль —

предупреждение. Будто магия внутри уже научилась узнавать угрозу раньше разума.

Стук повторился.

— Леди Лиора, — раздался из-за двери мягкий женский голос. — Это Селеста Морвейн. Я бы хотела поговорить с вами.

В комнате стало так тихо, что я слышала собственное сердце.

Мира шагнула ко мне.

— Не открывайте, — шепнула она. — Пожалуйста.

Я смотрела на дверь и понимала: еще вчера я бы, возможно, отказалась. Спряталась за вежливостью. Сослалась на недомогание. Не захотела бы видеть лицо женщины, ради которой меня унизили. Но вчерашняя Лиора умерла в том зале вместе с громкими словами о разводе.

Сегодня я хотела посмотреть ей в глаза.

— Открой, — сказала я.

— Леди...

— Открой.

Мира подчинилась.

Дверь распахнулась.

Селеста Морвейн стояла на пороге так, будто весь мир действительно уже принадлежал ей по праву. На ней было светлое утреннее платье цвета теплого золота, волосы уложены безупречно, на губах — не улыбка даже, а легкая тень уверенности женщины, которая знает себе цену. Она была красива. Очень. И именно той яркой, очевидной красотой, которую невозможно не заметить в зале, полной свечей и завистливых взглядов.

Но самым неприятным было не это.

Самым неприятным было то, как спокойно она держалась в моих покоях. Будто пришла не к брошенной жене, а в комнату, которая скоро станет ей знакомой.

— Благодарю, что приняли меня, — произнесла она.

— Не уверена, что принимала, — ответила я.

Ее взгляд скользнул по собранным вещам, по столу, по папке с документами. Она увидела все. И поняла тоже все.

— Я пришла не для того, чтобы причинить вам новую боль, — сказала она.

— Тогда вы выбрали странный способ этого избежать.

На долю секунды в ее глазах мелькнуло что-то живое. Может быть, раздражение. Может быть, уважение к тому, что я не рассыпалась перед ней в пепел.

— Я понимаю, как это выглядит, — мягко произнесла она.

— Нет, — перебила я. — Не понимаете. И не говорите этого, если не хотите, чтобы я сочла вас не только бессердечной, но и глупой.

Мира тихо втянула воздух.

Селеста помолчала. Потом медленно кивнула.

— Хорошо. Тогда без притворства. Я пришла потому, что не люблю недосказанность.

— А я не люблю женщин, которые появляются под руку с чужим мужем на годовщине брака.

На этот раз она выдержала удар лучше, чем я ожидала.

— Он уже не ваш муж.

Я улыбнулась.

— Значит, вы все-таки любите говорить правду только в выгодной вам форме.

Селеста сделала несколько шагов в комнату. Не слишком близко. Осторожно. Как человек, который хочет показать мир, но заранее готов к удару.

— Я не собираюсь оправдываться, — сказала она. — Между мной и лордом Рейнаром действительно есть договоренность о будущем союзе. Но вчерашний вечер был спланирован им, не мной.

— И это должно сделать вас в моих глазах чище?

— Нет. Просто точнее.

Она была умной. Это чувствовалось сразу. Не хлопающая

ресницами красавица, не пустая фаворитка, не женщина, случайно занявшая чужое место. Она понимала силу слов. Понимала значение каждой паузы. И, что хуже, не боялась смотреть мне прямо в лицо.

— Чего вы хотите? — спросила я.

Селеста чуть склонила голову.

— Предупредить вас.

Я не ожидала этого.

— О чем?

Ее взгляд метнулся к Мире, потом обратно ко мне.

— Не все в этом доме происходит только из-за чувств, ревности или желания получить наследника. Вы должны быть осторожны.

Метка на руке обожгла сильнее.

Я медленно выпрямилась.

— Что вы имеете в виду?

— Пока немного, — ответила она. — Но достаточно, чтобы понять: вы интересуете не только Рейнара и не только совет.

— Какая трогательная забота.

— Считайте как хотите. Но если вам предложат быстро подписать бумаги, уехать тихо и не задавать вопросов — не делайте этого.

Я смотрела на нее, и впервые с момента ее появления моя злость слегка смешалась с настороженностью.

— Почему?

Селеста помолчала. Совсем недолго. Но я успела понять: она решает, сколько мне можно сказать.

— Потому что женщина, которую так спешат убрать, обычно знает меньше, чем должна. А иногда — наоборот. В ней есть то, что кто-то не хочет выпускать из-под контроля.

От этих слов по спине прошел холод.

Она не могла знать о метке. Или могла? Ее взгляд не опу-

кался к моей руке, и все же что-то в интонации заставило меня насторожиться сильнее.

— Вы играете опасную игру, леди Морвейн, — сказала я.

— Мы все в ней уже участвуем, — ответила она так тихо, что Мира, кажется, даже не расслышала.

Я шагнула к ней ближе.

— Тогда скажите прямо. Вы его любовница, союзница или тоже пешка в чужих руках?

На секунду Селеста утратила свою безупречную маску.

Совсем чуть-чуть.

Но я увидела.

— Я женщина, которая не собирается проигрывать, — сказала она.

После этих слов она развернулась и пошла к двери.

— Подождите, — резко сказала я. — Почему вы вообще пришли ко мне? После вчерашнего. После всего.

Селеста остановилась на пороге и обернулась через плечо.

— Потому что вас уже считают вычеркнутой. А я не люблю недооценивать тех, кто еще может изменить партию.

И вышла.

Дверь закрылась.

Мы с Мирой остались стоять в тишине.

Она первой нарушила ее:

— Леди... что это было?

Я медленно перевела взгляд на письмо в своей руке, на собранные вещи, на дверь, за которой только что исчезла женщина, которую я должна была ненавидеть без остатка.

И вдруг очень ясно поняла: моя последняя ночь в этом замке еще не закончилась. Наоборот — она только начиналась по-настоящему.

Потому что теперь это была уже не просто история о разводе.

Это становилось чем-то большим.

Чем-то, где меня слишком торопливо пытались убрать в сторону. Где новая женщина приходила не торжествовать, а предупреждать. Где моя метка трещала, будто под старой жизнью пробивалась иная, куда более опасная.

Я опустила глаза на письмо с печатью рода Вальтер.

— Кажется, — сказала я тихо, — пора наконец открыть то, что я должна была прочитать много лет назад.

Глава 5. Трещина на брачной метке

Письмо хрустнуло в моих пальцах так тихо, что этот звук показался почти неприличным на фоне всего, что уже успело обрушиться на меня за последние часы.

Я долго смотрела на потемневший воск с гербом рода Вальтер — серебряная ветвь на синем щите — и пыталась вспомнить, почему тогда, много лет назад, так и не решилась его открыть. Наверное, потому что в тот период моя жизнь менялась слишком быстро. Смерть отца, спешная свадьба, переезд в дом Эстейн, бесконечные советы, чужие лица, чужие правила, чужое имя, к которому мне предстояло привыкнуть. Мне казалось, что прошлое нужно сложить аккуратно, как старые платья, и убрать подальше, чтобы не мешало строить новое будущее.

Какой же я была наивной.

— От кого письмо? — спросила Мира шепотом, словно боялась спугнуть что-то важное.

— Не помню, — честно ответила я. — Но если его прислали после смерти отца, значит, оно должно было значить больше, чем я позволила себе тогда понять.

Пальцы дрогнули, когда я сломала печать.

Бумага внутри была плотной, дорогой, с тонким запахом старого травяного масла. Почерк я узнала не сразу. Мелкий, четкий, без украшений. Не отцовский. И не материнский. Но знакомый. Очень знакомый.

Я начала читать.

Лиора, если это письмо дошло до тебя, значит, я либо уже не могу сказать тебе все сама, либо мне снова не позволили приблизиться.

Меня зовут Эвелина Тарн. Ты должна помнить меня хотя бы смутно — я была рядом в первые годы твоей жизни, пока твой отец не приказал удалить всех, кто знал слишком много.

Я остановилась.

Эвелина.

Имя вспыхнуло в памяти так резко, будто кто-то дернул давно забытый шнур. Темноволосая женщина с теплыми руками, запахом лаванды и привычкой напевать старые север-

ные колыбельные. Я почти не помнила ее лица, но голос... голос вдруг прозвучал у меня в голове так отчетливо, что по коже побежали мурашки.

— Вы ее знаете? — спросила Мира.

— Знала. Очень давно.

Я продолжила.

Твой отец не был злым человеком, Лиора. Но был испуганным. А страх мужчин с властью часто делает их жестче любой жестокости. Он скрывал от тебя не просто семейную тайну. Он скрывал твою кровь.

Если ты читаешь это уже взрослой, значит, тебя либо выдали замуж слишком рано, либо все пошло именно так, как я боялась. В таком случае ты должна знать: в роду твоей матери было то, о чем в столице давно предпочитают молчать. Не благородство. Не титулы. Не земли. Сила.

Метка на моем запястье обожгла кожу.

Я стиснула письмо крепче и читала дальше, уже не чувствуя, как под ногами будто уходит пол.

Старая сила. Та, что спала в линии женщин и почти не проявлялась поколениями, пока однажды не родилась ты. Я видела знаки еще в твоём детстве. Слишком ранний жар, слишком чуткий отклик на драконье пламя, сны, после которых гасли свечи. Твоя мать знала. Именно поэтому боялась за тебя. Именно поэтому просила держать тебя подальше от двора и особенно — от сильных драконьих родов.

Но после ее смерти решать стал твой отец. А он выбрал безопасность, которую всегда выбирают мужчины: скрыть, запечатать, выдать замуж удачно и надеяться, что древняя кровь заснет глубже.

Я перестала дышать.

Слово «запечатать» отозвалось внутри слишком остро.

Словно что-то в глубине меня не просто услышало его, а узнало.

— Леди?.. — Мира шагнула ближе.

— Тише, — выдохнула я.

Я не могла остановиться.

Если твой брак будет заключен с сильным драконом, печать может либо уснуть навсегда, либо треснуть. Второе случается редко. Только если союз построен не на равновесии, а на подавлении. Только если одна сила слишком долго держит другую под замком.

Если однажды твоя брачная метка изменится — не верь никому, кто скажет, будто это проклятие, болезнь или твоя вина. Это пробуждение. И тогда тебе нужно будет искать не мужа, не защиту и не совет рода, а правду о линии твоей матери.

Я опустила письмо.

Комната исчезла.

То есть нет, стены, свет, вещи — все было на месте. Но внутренне я словно провалилась в пустоту, где не осталось ни вчерашнего бала, ни унижения, ни Селесты, ни даже Рейнара как человека. Только ослепительная, леденящая мысль:

Это не случайность.

Метка треснула не от боли. Не от развода. Не от истерики.

Она треснула потому, что во мне действительно было за-

перто нечто, чему больше не хватило места под чужой волей.

— Что там? — спросила Мира уже настойчивее.

Я посмотрела на нее, но ответить сразу не смогла. В горле стало сухо.

— Там сказано... что моя кровь не так проста, как я думала.

— Это про магию?

Я перевела взгляд на запястье.

Золотая трещина светилась ровнее, чем раньше. Не ярко, но упорно. Будто слушала наш разговор.

— Да, — сказала я. — И, возможно, про то, что мой брак не просто разрушился. Он слишком долго что-то сдерживал.

Мира побелела.

— Лорд знал?

Это был самый страшный вопрос.

Я снова опустила взгляд в письмо, надеясь найти ответ, но там дальше шли лишь обрывочные указания: имя старого северного монастыря, где могли храниться записи по линии моей матери; упоминание женщины по имени Иара; предупреждение не доверять тем, кто попытается убедить меня быстро и тихо исчезнуть после пробуждения силы.

Не доверять тем, кто попытается убедить меня быстро и тихо исчезнуть.

Слова Селесты всплыли в памяти мгновенно.

Если вам предложат быстро подписать бумаги, уехать тихо и не задавать вопросов — не делайте этого.

У меня похолодела спина.

Это уже не было совпадением.

— Я не знаю, знал ли Рейнар все, — ответила я наконец. — Но он точно что-то понял сегодня утром. И теперь я уверена, что его просьба не показывать метку никому была не из заботы.

— А из чего?

— Из страха потерять контроль.

Я поднялась с кресла и прошлась по комнате. Теперь все виделось иначе. Документы на развод. Поспешность. Ограничения. Желание убраться тихо и красиво. Его взгляд на мою руку. Слова Селесты. И это письмо, пролежавшее столько лет всего в нескольких шагах от меня.

Слишком многое складывалось в один узор.

— Леди... — Мира нервно теребила край фартука. — Мы должны уехать?

— Да.

Ответ пришел раньше, чем я успела его обдумать.

Я остановилась у окна. Во дворе уже кипела утренняя работа. Слуги, стража, кухонные мальчишки, дворцовые конюхи. Обычный день в доме Эстейн. Обычный день в доме, который уже больше не был моим.

— Но не в восточное крыло, — добавила я. — И не так, как хочет он.

— Тогда куда?

Я снова посмотрела на письмо.

— Там упоминается северный монастырь. И женщина по имени Иара. Если хоть половина этого правда, кто-то там знает о линии моей матери.

Мира уставилась на меня с ужасом.

— Север? Леди, это далеко. И опасно. А если лорд узнает...

— Он узнает в любом случае. Вопрос только в том, когда именно и на каких условиях.

Я говорила спокойно, но внутри уже разгоралось то странное холодное пламя, которое появилось после бала. Еще не уверенность. Скорее необходимость. Острая, ясная, бескомпромиссная. Если я останусь здесь и буду действовать по его правилам, меня раздавят. Не обязательно физически. Хуже — юридически, социально, магически, тихо и без возможности подняться. Превратят в бывшую жену с содержанием, которой позволено только исчезнуть из поля зрения.

Нет.

Теперь, когда я знала о письме, о крови, о пробуждении, исчезать тихо было уже невозможно.

— Мы не можем просто сбежать, — прошептала Мира.
— Нас остановят.

— Тогда не будем бежать как воровки.

Я развернулась к ней.

— Подготовь мое дорожное платье. Самое простое. Без гербов. Без вышивки. И плащ.

— Леди...

— Я не собираюсь красться через черный ход. Я уйду из этого дома открыто. Но не как женщина, которую ведут в ссылку, а как та, кто сама выбирает дорогу.

На этих словах метка снова вспыхнула.

Ненадолго. Всего на миг. Но теперь это было уже не больно. Скорее как отклик. Будто сама сила внутри меня соглашалась.

Мира увидела и испуганно шагнула назад.

— Она... она вас слушает.

Я горько усмехнулась.

— Похоже, впервые в жизни хоть что-то во мне слушает именно меня.

Я снова взялась за письмо и перечитала последнюю строчку.

Если все уже началось, Лиора, помни главное: не позволяй мужчине, рядом с которым треснула печать, решать, кем ты станешь после нее.

Я медленно сложила лист.

Слишком поздно для прежней жизни. Но, возможно, еще не поздно для новой.

В этот момент в дверь постучали.

Резко. Уже без той осторожной вежливости, с которой сюда приходил управляющий. Не просьба. Почти требование.

Мы с Мирой переглянулись.

— Кто? — спросила я.

— По распоряжению лорда, — ответил мужской голос. — Подготовка к вашему переводу начнется сейчас.

Вот и все.

Они не собирались ждать полудня.

Я подошла к двери, не открывая ее.

— Передайте лорду, что я еще не закончила сборы.

— Нам велено войти, леди.

Нам.

Не один слуга. Несколько.

Я почувствовала, как внутри мгновенно поднимается жар. Не страх — ярость.

— Вам велено, — сказала я холодно, — а я запрещаю. Эти покои все еще заняты мной.

Снаружи послышалась пауза. Затем тот же голос, уже жестче:

— Леди, не усложняйте.

И в этот момент я вдруг поняла, что они действительно готовы войти силой. Не грубо, не с криками, конечно. Все будет прилично, вежливо, аккуратно. Но войдут. Начнут выносить вещи. Опечатывать сундуки. Перемещать меня по распоряжению Рейнара, как предмет обстановки.

Что-то во мне переломилось окончательно.

Я положила ладонь на дверь.

И золотая трещина на метке вспыхнула так ярко, что свет отразился на дереве.

Изнутри в дверь ударила волна жара.

Не огонь в прямом смысле. Не пламя. Но сила, похожая на раскаленный ветер. Снаружи раздался крик, тяжелые шаги, лязг упавшего металла. Кто-то явно отшатнулся.

Мира ахнула.

Я сама замерла, чувствуя, как по всей руке вверх поднимается ток — живой, дикий, почти радостный.

За дверью воцарилась мертвая тишина.

Потом уже другим, совсем неуверенным голосом спросили:

— Что... что это было?

Я смотрела на золотую метку и впервые за все это время не чувствовала себя жертвой.

— Это было мое «нет», — сказала я негромко, но так, чтобы за дверью услышали.

Больше никто не спорил.

Шаги начали отступать.

Когда тишина вернулась, Мира смотрела на меня так, будто одновременно боялась и восхищалась.

— Леди... вы их остановили.

Я медленно убрала руку от двери. Кожа горела, но уже

знакомо, почти послушно.

— Да, — ответила я. — Похоже, остановила.

И тут же поняла еще одну вещь: после этого Рейнар не станет ждать. Он придет сам. Или пришлет тех, кто разбирается в магии лучше слуг.

Значит, времени у меня почти не осталось.

Я повернулась к Мире.

— Быстро. Собирайся. Мы уходим до того, как он решит, что со мной делать.

Глава 6. Унижение не забывается

Собираться быстро оказалось легче, чем дышать.

Когда решение уже принято, тело вдруг начинает двигаться само — четко, резко, без привычных колебаний. Мира метнулась к сундукам, я — к столу, к письму, к шкатулке, к тем немногим вещам, которые действительно были моими, а не частью красивой клетки по имени дом Эстейн. В комнате еще висел остаток силы, вспыхнувшей у двери, и от этого воздух казался плотнее, чем обычно. Каждый вдох отдавался в груди странным жаром, словно пробуждение во мне перестало быть случайной вспышкой и медленно становилось новой природой.

— Это безумие, — шептала Мира, запихивая в дорожную сумку белье и пару простых платьев. — Безумие, безумие, безумие...

— Да, — ответила я, снимая с полки старый дорожный футляр для бумаг. — Но оставаться здесь было бы еще большим безумием.

Она замерла на секунду и посмотрела на меня так, будто только сейчас по-настоящему услышала эти слова.

— Вы правда не вернетесь в восточное крыло?

Я обернулась.

— А ты еще сомневаешься?

— Нет... просто... — она запнулась, — я пытаюсь понять, когда именно все стало таким.

Я тоже.

Наверное, не вчера вечером. И даже не сегодня утром, когда его отшвырнуло от меня силой, которой не должно было существовать. Все стало таким гораздо раньше. В тот день, когда я впервые проглотила обиду и решила, что терпение важнее достоинства. В ту зиму, когда он перестал приходить ко мне ночами, а я сделала вид, будто это просто усталость. В те месяцы, когда по дому уже ползли слухи, а я продолжала вести себя так, словно молчание само по себе может спасти брак.

Нет ничего страшнее привычки к унижению. Она приходит тихо. Сначала как уступка. Потом как осторожность. Потом как образ жизни.

Я застегнула футляр и положила его поверх сумки.

— Все стало таким в тот момент, когда я слишком долго позволяла решать за себя, — сказала я.

Мира ничего не ответила. Только поджала губы и стала собираться еще быстрее.

Я накинула простое темно-синее платье без вышивки и без гербов. Ткань была плотной, дорожной, неприметной. Поверх — серый плащ с глубоким капюшоном. Еще вчера я бы сочла такой наряд слишком скромным для леди Эстейн. Сегодня он казался почти свободой.

Когда я подвязала волосы лентой, в зеркале отразилась уже не хозяйка замка, не жена драконьего лорда и даже не брошенная женщина после бала. На меня смотрела кто-то иная — еще не сильная, еще не спокойная, но уже не сло-манная. И, пожалуй, именно это пугало бы Рейнара больше всего, если бы он увидел меня сейчас.

На столе остались лежать украшения его дома.

Кольцо. Цепочка. Серьги. Браслет.

Семь лет чужого имени, снятые за одно утро.

Я подошла ближе и на миг коснулась кольца кончиком пальца. Ни боли. Ни нежности. Ни тоски. Только странное ощущение, будто я дотрагиваюсь до вещи, принадлежавшей другой женщине. Той, которой больше нет.

— Оставь их, — тихо сказала я себе.

И отошла.

За дверью пока было тихо, но эта тишина не успокаивала. Наоборот — казалась слишком внимательной. После вспышки силы слуги уже наверняка побежали докладывать. А значит, у нас остались минуты. Может быть, меньше.

— Через главный холл не пройти, — быстро сказала Мира. — После бала там полно людей. Кухни тоже плохой путь, утром там суета. Но есть южная галерея, через старый зимний сад. Ею почти не пользуются.

Я повернулась к ней.

— Откуда ты знаешь?

Она слегка покраснела, даже сейчас.

— Когда вы болели в позапрошлую весну, я носила для вас отвары тайком от старшей экономки. Через сад быстрее.

Я невольно усмехнулась.

— Значит, даже в этом доме кто-то умел обходить правила.

— Я училась у вас, леди.

Слова ударили неожиданно мягко. Я даже на секунду растерялась.

— Не уверена, что была хорошим примером.

— Были, — упрямо ответила Мира. — Просто слишком добрым.

Это прозвучало почти как обвинение.

И, возможно, справедливое.

Я взяла дорожную сумку, но Мира тут же перехватила ее.

— Нет, это понесу я.

— Мира...

— Нет. Вы и так держитесь только потому, что не позволяете себе упасть. Я вижу.

Она была права. После бессонной ночи, после разговора с Рейнаром, после письма, после вспышек силы и этого странного лихорадочного холода внутри я действительно держалась скорее на воле, чем на теле. Еще немного — и меня могло качнуть. Но не здесь. Не сейчас. Не в этом доме.

— Хорошо, — сказала я. — Идем.

Мы вышли из покоев тихо, но не крадучись. Я специально не стала оглядываться на пороге. Не хотела дарить этим стенам даже последний взгляд скорби. Пусть они остаются с его порядком, его пустотой, его новой женщиной. Я забираю оттуда только себя.

Коридор встретил нас утренним полумраком и прохладой. Несколько слуг, увидев меня, резко остановились. В их глазах промелькнуло то особое выражение, которое всегда появляется у людей на границе любопытства и страха. Они уже слышали. О разводе, конечно. Возможно, и о странном жаре за дверью моих покоев. И теперь смотрели на меня не как на хозяйку и не как на падшую леди, а как на нечто непо-

нятное.

Хорошо.

Пусть.

Я шла медленно, с прямой спиной. Не убегала. Не скрывалась. Каждый шаг был будто ответом всему вчерашнему вечеру: вы можете выбросить меня из дома, но не увидите, как я волочу за собой остатки достоинства.

В конце коридора нам встретилась леди Верена, двоюродная тетка Рейнара. Высокая, сухая, в темно-зеленом утреннем платье, она остановилась так резко, что шелк ее юбок едва слышно зашелестел по камню.

Ее взгляд скользнул по моему простому наряду, по сумке в руке Миры, по отсутствию драконьих украшений.

Она все поняла сразу.

— Так быстро? — произнесла она, и в голосе у нее не было ни жалости, ни сочувствия. Только холодное, почти деловитое удовлетворение. — Я ожидала, вы продержитесь в своих покоях хотя бы до вечера.

Я остановилась.

Мира рядом со мной замерла.

Еще вчера я бы опустила взгляд. Ответила бы что-то нейтральное. Постаралась не дать повода для новой колкости.

Сегодня я почувствовала только усталое презрение.

— Разве вам не следует радоваться? — спросила я спокойно. — Вы же давно ждали, когда род Эстейн избавится от столь неудобного брака.

Леди Верена приподняла подбородок.

— Я жду только одного: чтобы домом управляли люди, способные понимать его значение.

— Тогда вы, должно быть, очень разочарованы.

На секунду она даже не нашлась с ответом.

Это было почти приятно.

Но затем ее губы дрогнули в тонкой усмешке.

— Дерзость идет вам больше, чем покорность. Жаль, что вы вспомнили об этом слишком поздно.

Слова ударили в цель.

Даже слишком точно.

Я смотрела на нее и понимала: она не хочет меня ранить из злобы. Она просто озвучивает то, что видела годами. Как и многие в этом доме. Все знали, что меня медленно стирают, а я все равно продолжала цепляться за брак, за имя, за место рядом с человеком, который уже давно отдал это место своему холоду.

Унижение действительно не забывается. Особенно то, в котором есть доля собственной вины.

Я шагнула ближе.

— Поздно для чего, леди Верена? Для того, чтобы еще хоть раз позволить вашему роду вытереть об меня ноги?

Она слегка сузила глаза.

— Осторожнее, девочка.

— Нет. Это вам стоит быть осторожнее. Потому что вчера вы смотрели на женщину, которую можно было вычеркнуть. А сегодня, кажется, я уже не так уверена, что все закончится так, как вам хочется.

В этот миг метка под рукавом обожгла кожу. Не ярко. Но ощутимо. Словно поддерживая сказанное.

Леди Верена заметила, как я чуть повела рукой.

Ее взгляд стал внимательнее.

Опаснее.

— Что с вами? — спросила она.

— Ничего, что касалось бы вас.

Я развернулась и пошла дальше, не дожидаясь ответа.

Спиной я чувствовала ее взгляд. Теперь уже не снисходительный. Изучающий.

Плохо.

Слишком много людей начинали что-то замечать.

Мы свернули в южную галерею, где действительно было почти пусто. Высокие окна выходили во внутренний сад, утренний свет ложился на пол длинными бледными полосами, и только редкие служанки, несущие чистое белье, поспешно прижимались к стенам, уступая мне дорогу.

Я шла и понимала, что каждый шаг по этому замку врежется в память. Вот здесь я когда-то ждала Рейнара после совета и простояла почти час, чтобы он мимоходом сказал: «Не стоило». Вот здесь он однажды коснулся моей спины, и я потом всю ночь жила этим прикосновением, как дурочка. Вот здесь я услышала за спиной шепот о своей пустой колыбели. Вот здесь впервые поняла, что он больше не смотрит на меня как раньше.

Дом умеет хранить не только тепло. Он хранит унижение лучше любого архива.

— Леди... — тихо позвала Мира.

Я не сразу отозвалась.

— Что?

— Вы дрожите.

Только тогда я заметила, что это правда. Не снаружи — глубже. Мышцы были напряжены до предела, дыхание стало слишком частым, а где-то под ребрами копилось давление, как перед новой вспышкой.

— Я в порядке.

— Нет.

Я хотела возразить, но не успела.

Из-за поворота показались двое стражников в цветах дома Эстейн. За ними — управляющий. И все трое остановились при виде меня так синхронно, что стало ясно: они шли именно сюда. Не случайно.

Вот и конец нашему короткому побегу.

Управляющий поклонился.

— Леди Лиора, лорд просил...

— Я знаю, чего просил лорд, — перебила я. — Но сейчас я покидаю замок.

Старик побледнел.

— Это невозможно без официального сопровождения и подписанных бумаг.

— Тогда считайте это первым невозможным событием за сегодняшний день.

Я попыталась пройти мимо, но стражники не двинулись.

Не грубо. Просто остались стоять.

Живая стена.

Именно этого я и боялась.

Мира стиснула сумку так сильно, что побелели пальцы.

— Леди, прошу вас, — тихо сказал управляющий. — Не вынуждайте нас...

— Делать что? — спросила я ледяным голосом. — Задерживать женщину, которой ваш лорд уже объявил развод? На каком основании? Как пленницу? Как имущество?

Он отвел взгляд.

— Вы все еще под защитой дома Эстейн.

— Защитой? — переспросила я. — Каким красивым словом вы называете клетку.

Я почувствовала, как жар снова поднимается по руке. Медленно. Уверенно. И в ту же секунду поняла: еще немного — и сила ударит опять. Сильнее, чем у двери. Грязнее. Неконтролируемее.

Нельзя.

Здесь слишком много людей. Слишком много глаз.

Но, похоже, выбора уже не оставалось.

— Отойдите, — сказала я.

Стражники переглянулись.

— Леди...

— Отойдите.

Они не послушались.

И тогда я услышала знакомый голос.

— Довольно.

Рейнар.

Он появился в начале галереи так неожиданно, будто сама тень замка выпустила его из себя. Темный, собранный, опасно спокойный. Золотые глаза сразу нашли меня, затем сумку у Миры, затем лица стражников. И в этом одном взгляде я увидела все: он уже знает, что я пыталась уйти; знает о вспышке у двери; знает, что ситуация выходит из-под контроля.

Хорошо.

Пусть хоть раз почувствует это не только я.

Стражники тут же расступились.

Управляющий отступил на шаг.

А Рейнар медленно подошел ближе и остановился напротив меня.

— Я предупреждал, чтобы ты ничего не предпринимала до моего возвращения, — сказал он тихо.

— А я предупреждала, что ты больше не имеешь права мне приказывать.

Его взгляд стал тяжелее.

— Ты покидаешь замок без согласования в момент, когда твоя магия нестабильна.

— Какая трогательная забота.

— Это не забота. Это факт.

Я почти рассмеялась.

— Вот именно, Рейнар. В этом и проблема. Для тебя даже сейчас все сводится к фактам, распоряжениям и контролю. Меня вчера унизили перед двором, сегодня пытаются перевести как вещь, а ты стоишь и говоришь со мной так, будто у нас спор о правилах конюшни.

На скулах у него дрогнула мышца.

— Не устраивай сцену.

— Сцену? — переспросила я. — После всего, что ты сделал, ты снова боишься именно сцены?

И тут я увидела это.

Не в нем. В окружающих.

Управляющий старательно смотрел в пол. Стражники делали вид, что не слышат. Но слышали все. Каждое слово. И будут помнить. Мой голос, его лицо, то, как мы стояли в пустой галерее после бала, после развода, после всего.

Унижение не забывается.

Ни мое. Ни, возможно, его.

Я сделала глубокий вдох.

— Я уйду, — сказала я уже спокойнее. — С твоим разрешением или без него. Но не останусь здесь, чтобы меня передвигали по комнатам и обсуждали за закрытыми дверями, как удобнее запереть бывшую жену.

Рейнар смотрел на меня слишком долго.

Потом произнес:

— Ты не понимаешь, во что ввязалась.

— Тогда объясни, — отрезала я. — Хоть раз объясни, а не приказывай.

Молчание.

Опять.

Вечно это молчание, которым он заменял правду.

И вдруг я поняла: он не скажет. Потому что либо не знает всего сам, либо знает слишком много и боится произнести вслух. И то и другое делало его опасным.

— Вот видишь, — тихо сказала я. — Ты снова выбираешь тишину. А я больше не собираюсь жить внутри нее.

Метка вспыхнула.

На этот раз без моей воли.

Золотой жар прорезал запястье, ушел выше по руке, и в воздухе будто что-то треснуло. Стекла в окнах дрогнули.

По галерее прошел горячий, сухой порыв, словно от далекого огня. Один из стражников невольно отступил. Управляющий побледнел еще сильнее. А Рейнар не шелохнулся.

Только глаза его стали темнее.

— Все вон, — приказал он.

Никто не посмел остаться.

Через несколько секунд в галерее были только мы вдвоем. Ну и Мира чуть поодаль, вжавшаяся в стену, но не ушедшая.

Я тяжело дышала. Сила внутри металась, как запертый зверь.

Рейнар шагнул ближе.

— Посмотри на меня.

— Нет.

— Лиора.

Я все же подняла глаза.

И увидела в его лице нечто, чего там раньше не было.

Не холод. Не злость. Не даже привычное превосходство.

Тревогу.

Настоящую.

— Эта вспышка усиливается, — сказал он. — Если ты сейчас выйдешь за пределы защитного контура замка, никто не сможет предсказать, что произойдет.

— А если останусь, сможешь ты?

Он замолчал.

Я кивнула сама себе.

— Так я и думала.

Он вдруг схватил меня за предплечье.

Не грубо. Но слишком резко.

И в ту же секунду по телу ударил жар — не только мой. Его тоже. Дракониий. Сильный. Знакомый. Когда-то этот огонь

заставлял меня чувствовать безопасность. Теперь он только столкнулся с чем-то новым внутри меня и высек искру такой силы, что нас обоих качнуло.

Я ахнула.

Рейнар резко отпустил меня, но было поздно.

Метка вспыхнула ослепительным золотом.

И на одно короткое, страшное мгновение у меня перед глазами возникло нечто чужое — огромное черное крыло на фоне огня, женский голос, шепчущий на незнакомом древнем языке, и ощущение такой силы, от которой хотелось одновременно упасть на колени и закричать.

Потом видение исчезло.

Я пошатнулась.

Рейнар удержал меня раньше, чем я успела упасть.

И это было хуже всего.

Потому что на миг — один-единственный — мое тело почти вспомнило, каково это: опереться на него.

Я тут же вырвалась.

— Не трогай меня.

Он не стал хватать снова.

Только смотрел. Очень внимательно. Слишком внимательно.

— Что ты видела? — спросил он.

Я замерла.

— О чем ты?

— Ты изменилась в лице. Что ты видела?

Значит, он понял, что это не просто вспышка боли.

Плохо.

Очень плохо.

— Ничего, — солгала я.

Он сделал полшага ближе.

— Не лги мне сейчас.

Я вскинула голову.

— А тебе можно было лгать мне все это время?

Слова попали точно. Я увидела.

Он отступил первым.

Это было крошечное движение. Но мне его хватило.

— Я не останусь, — сказала я уже тише, но твердо. — Даже если ты прикажешь замуровать меня в этих стенах. Даже если придется выйти отсюда одной. Даже если моя сила разорвет мне руки. Я все равно уйду.

Рейнар долго молчал.

Потом произнес:

— Тогда я поеду с тобой.

Я уставилась на него.

На секунду мне показалось, что я ослышалась.

— Что?

— Ты не покинешь замок без сопровождения. Но я не позволю никому другому вести тебя, пока не пойму, что именно с тобой происходит.

Вот он.

Настоящий Рейнар.

Даже в этом предложении было больше контроля, чем заботы.

Но под этим контролем теперь впервые ощущалось что-то еще. Неужели страх действительно дошел до той глубины, где он готов сам изменить планы?

Я медленно покачала головой.

— Нет. Ты уже достаточно «вел» меня по жизни.

— Это не просьба.

— А я не спрашиваю разрешения.

Мы снова стояли друг против друга, как на краю пропасти. И я знала: следующий шаг решит слишком многое.

Унижение не забывается.

И я никогда не забуду ни зал, ни Селесту рядом с ним, ни его подпись под бумагами, ни то, как легко он сказал, что я не подходила его дому.

Поэтому даже если часть меня — глупая, слабая, старая часть — все еще вздрагивала на звук его голоса, решения это уже не меняло.

Я больше не пойду туда, куда он укажет.

Никогда.

Глава 7. Изгнанная

Он понял мой ответ раньше, чем я произнесла его вслух.

Я увидела это по тому, как изменился его взгляд. Не резко. Не явно. Просто в золотых глазах что-то потемнело и застыло окончательно, будто последняя возможность договориться по его правилам сейчас умирала прямо между нами. Раньше это меня бы испугало. Я слишком хорошо знала, что за таким выражением лица у Рейнара всегда следовало давление: холодное, точное, без крика, но оттого не менее беспощадное.

Теперь я только крепче сжала пальцы.

— Нет, — повторила я уже спокойно. — Ты никуда не поедешь со мной.

В галерее стояла утренняя тишина, такая хрупкая, что любой следующий звук казался бы ударом. За стеклами медленно шевелились ветви зимнего сада, где-то далеко слышались голоса слуг, но здесь, между нами, будто существовал отдельный мир — узкий, холодный, опасный.

Рейнар не двигался.

— Ты считаешь, у тебя есть выбор? — спросил он тихо.

— После вчерашнего? — Я горько усмехнулась. — Это почти смешно. Да, Рейнар. Именно теперь у меня наконец появился выбор. Впервые за долгое время.

— Ты нестабильна.

— А ты слишком привык решать, что со мной делать.

— Я пытаюсь не дать тебе погибнуть.

— Нет. Ты пытаешься не выпустить меня из рук.

Слова прозвучали жестко. Даже для меня. Но это была правда, а сегодня я уже устала смягчать правду, чтобы ему было удобнее ее слышать.

Он медленно выдохнул, и я увидела, как под безупречным самоконтролем снова шевельнулось раздражение. Нет, не только раздражение. Бессилие — редкий для него яд. Рейнар привык иметь дело с противниками, которых можно подавить силой, рангом, волей, законом, молчанием. Но я больше не была ни послушной женой, ни удобной фигурой для перемещения по дому. И ему это явно не нравилось.

— Ты не понимаешь масштаба, — сказал он. — После того, что случилось, тебя не выпустят просто так. Ни совет. Ни стража. Ни те, о ком ты еще даже не знаешь.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается медленное ледяное бешенство.

— Тогда, может быть, стоило думать об этом до того, как ты объявил о разводе перед всем двором?

Он резко шагнул ближе.

— Думаешь, я мог предсказать это?

— Нет. Но ты точно предсказал мое унижение. Его ты подготовил безупречно.

На мгновение мне показалось, что он сейчас сорвется. Не как обычный мужчина — голосом, жестом, криком. Нет, Рейнар срывался иначе. В нем вдруг становилось слишком много драконьего. Слишком много той холодной хищной силы, которая не нуждается в громкости, чтобы подавлять. Но сегодня он только замер и, кажется, усилием удержал себя.

— Я уже сказал, что ситуация вышла за пределы обычного

развода, — произнес он.

— А я уже сказала, что не верю тебе.

— Ты и не должна верить. Достаточно того, что это правда.

Я вскинула подбородок.

— Правда? От тебя? Забавно.

Эти слова он принял молча. Но я увидела, как в глазах мелькнула тень — короткая, почти незаметная. То ли злость, то ли усталость, то ли запоздалое понимание, что мне действительно больше нечем дорожить в разговоре с ним.

Мира у стены стояла неподвижно, словно боялась даже дышать. Я краем глаза видела, как она стискивает ремень дорожной сумки, и эта маленькая, упрямая преданность вдруг придавала мне сил. Я не одна. Не совсем. А значит, могу идти дальше.

— Отойди, — сказала я. — Мне нужно пройти.

— Нет.

Я ожидала этого. Но все равно почувствовала, как по запястью снова ползет жар.

— Ты удержишь меня силой?

— Если понадобится.

— Тогда сделай это при всем замке. Пусть видят, как лорд драконов обращается с женщиной, которую вчера так красиво отрекся назвать женой.

Он прищурился.

— Ты хочешь устроить новый скандал?

— Это ты хочешь избежать его любой ценой.

— Потому что не все здесь связано с гордостью!

— Для тебя — может быть. Для меня связано именно с ней. С той частью, которую ты годами старательно ломал.

Эти слова повисли в воздухе тяжело и окончательно. И вдруг я поняла, что больше не хочу спорить. Не потому, что нечего сказать. Наоборот — во мне слишком много накопилось. Но каждая лишняя секунда рядом с ним затягивала ме-

ня обратно в старую ловушку: объяснись, докажи, выслушай, пойми, потерпи еще немного. Нет. Хватит.

Я шагнула в сторону, намереваясь обойти его.

Он не схватил меня. Только встал на пути.

Тогда я подняла на него глаза и произнесла очень тихо:

— Ты уже выгнал меня, Рейнар. Не унижай себя попыткой сделать вид, будто теперь удерживаешь.

Это попало.

Я увидела сразу.

Он не изменился в лице, но в самой неподвижности его тела появилось что-то болезненно жесткое, как у человека, который вдруг услышал собственный поступок со стороны и не может уже спрятать его за формулировками.

— Я не выгонял тебя, — сказал он.

Я не выдержала и рассмеялась.

Смех вышел хриплым, пустым и злым.

— Нет? Тогда как это называется? Когда перед всем двором объявляют, что ты не справилась как жена. Когда готовят замену еще до разговора с тобой. Когда подписывают бумаги заранее. Когда тебя лишают имени, покоев и права распоряжаться даже собственным уходом. Это не изгнание?

Он молчал.

Я сделала еще полшага к нему.

— Так вот, запомни: это именно оно. Ты изгнал меня. Из дома. Из брака. Из той жизни, которую сам когда-то предложил. И теперь уже поздно делать вид, будто все это ради моего блага.

Несколько секунд он смотрел на меня так пристально, что я почти физически ощущала этот взгляд на коже. Потом сказал неожиданно глухо:

— Я не делал этого ради блага.

Признание прозвучало так просто, что я даже опешила.

— Что?

— Не ради блага, — повторил он. — Ради необходимости.

— О, конечно. Твое любимое слово.

— Не издевайся.

— А что мне еще делать? Благодарить?

На этот раз он действительно сделал движение, как будто хотел коснуться моего лица, остановить, заставить замолчать — не знаю. Но замер на полпути и опустил руку. И это было хуже любого прикосновения. Потому что я слишком ясно увидела: он сам не понимает, чего хочет от меня сейчас. Удержать? Защитить? Спрятать? Вернуть контроль? Или что-то, чего он пока даже не называет?

Мне не было до этого дела.

— Отойди, — повторила я.

— Нет.

И тогда я сказала то, что давно уже жгло изнутри:

— Хорошо. Тогда слушай. Я уйду отсюда как изгнанная, раз уж ты сделал именно это. Но я не уйду сломанной. Не

уйду с опущенной головой. И не позволю тебе написать мою дальнейшую жизнь в тех же холодных строчках, что твои бумаги. Ты хотел вычеркнуть меня красиво — не получится. Потому что я запомню каждый взгляд в том зале, каждое слово, каждую подпись. И однажды ты сам пожалеешь, что сделал это именно так.

Метка на руке вспыхнула, отвечая мне.

Не взрывом. Не ударом. Глубоким золотым светом под кожей, который заметил и он. Его взгляд мгновенно метнулся к моему запястью, и я увидела, как в нем снова поднимается та опасная сосредоточенность, в которой теперь было слишком много не просто интереса, а тревоги.

— Лиора... — начал он.

— Нет. Теперь ты слушаешь до конца. Я была хорошей женой. Гораздо лучше, чем ты заслуживал. Я молчала, когда меня унижали намеками. Терпела холод, который ты называл занятостью. Ждала человека, который давно уже решил, что я не подхожу его дому. И знаешь, что хуже всего? Я действительно верила, что если буду мягче, тише, удобнее, ты однажды снова выберешь меня. Это и есть мое самое большое унижение. Не вчерашний бал. А годы рядом с тобой, в которых я забывала о себе.

Я говорила негромко, но каждое слово будто резало воздух.

Он слушал молча. Уже без попыток перебить.

И это молчание вдруг стало другим. Не тем высокомерным, за которым он прятался обычно. А тяжелым. Почти человеческим. Но мне было уже все равно.

— Так что да, — закончила я. — Ты изгнал меня. И именно поэтому больше не имеешь надо мной никакой власти.

Я обошла его.

На этот раз он не остановил.

Я успела сделать три шага, прежде чем он заговорил снова:

— За пределами замка тебя могут ждать.

Я остановилась, но не обернулась.

— Кто?

— Те, кто знает, что означает трещина на метке.

Сердце ударило сильнее.

Письмо в кармане плаща словно стало тяжелее.

— А ты знаешь? — спросила я.

Пауза затянулась.

— Недостаточно.

Я медленно повернула голову.

Он стоял ко мне вполоборота, высокий, чужой, уже не мой, и все же почему-то в этот момент выглядел так, будто впервые за долгое время сам не может предсказать, куда движется земля у него под ногами.

— Вот поэтому я и уйду, — сказала я. — Потому что рядом с тобой я всегда знаю слишком мало. Всегда последней.

Мира тут же рванулась ко мне, когда я пошла дальше. Мы миновали его, и я чувствовала спиной его взгляд. Не приказ. Не шаги вслед. Просто взгляд — тяжелый, прожигающий, остановившийся на мне так, словно он хотел запомнить каж-

дую линию этой минуты.

Но я не обернулась.

Галерея вывела нас к старому зимнему саду. Здесь было теплее, влажнее, пахло землей, водой и листьями. Сквозь стеклянный купол лился бледный свет, под ногами шуршал мелкий гравий, в дальнем углу тихо журчал фонтан. Когда-то я любила это место. Приходила сюда в самые холодные месяцы, когда в доме становилось особенно пусто, и сидела среди зеленых ветвей, делая вид, что тишина здесь лечит. Теперь этот сад казался просто переходом между двумя жизнями.

Мы шли быстро.

— Он нас отпустил, — выдохнула Мира, будто сама не верила.

— Нет, — сказала я. — Он просто понял, что не сможет остановить без новой войны.

— Вы правда думаете, что он отпустит нас совсем?

Я покачала головой.

— Нет.

Это было слишком очевидно. Даже если сейчас он не послал стражу следом, это ничего не значило. Рейнар мог выжидать. Мог просчитывать. Мог дать мне сделать первый шаг, чтобы понять, куда я направляюсь. Тем более после слов о тех, кто может ждать за пределами замка. Неважно, пугал он меня или говорил правду. В обоих случаях время работало против нас.

У выхода из зимнего сада нас встретил холодный ветер. Южные ворота были почти пусты: пара конюхов, сонный стражник у стены, телега с овощами из деревни. Обычная утренняя жизнь, равнодушная к тому, что одна женщина только что перестала принадлежать дому, который считал своим весь ее мир.

Я остановилась на пороге и впервые за все утро подняла глаза на замок.

Высокие башни, темные крыши, каменные крылья по бокам главного корпуса, длинные ряды окон, за которыми остались мои годы. Мой брак. Мои ожидания. Моя покорность. И, возможно, часть меня самой, которую я больше не хочу забирать назад.

— Леди... — тихо сказала Мира. — Идем.

Но я стояла еще секунду.

Не из слабости. Из памяти.

Я вспомнила день, когда впервые вошла сюда как невеста. Молодая, взволнованная, почти счастливая. Мне казалось, этот дом станет моим. Мне казалось, любовь выдержит все, если только быть достаточно терпеливой. Мне казалось, с таким мужчиной рядом можно прожить любую зиму.

Какая страшная цена у чужих заблуждений.

Я сжала пальцы на краю плаща.

— Прощай, — сказала я одними губами.

Не дому. Не замку. Не Рейнару.

Той женщине, которая когда-то верила, что здесь ее место.

Мы спустились по каменным ступеням. Стражник у ворот заметил меня, растерялся, хотел что-то сказать, но, видимо, уже получил распоряжение не вмешиваться. Или просто не

решился. Так или иначе, он отступил.

И вот тогда я поняла это по-настоящему.

Я вышла.

Не в восточное крыло. Не в новые покои. Не в красиво оформленное изгнание внутри тех же стен.

Из замка.

Из его жизни.

Из роли, в которой меня так долго держали.

Воздух за воротами оказался холоднее, чем я ожидала. Свободнее тоже.

Но вместе со свободой пришло и другое ощущение — острое, тревожное. Будто невидимая граница, которую я только что пересекла, разом лишила меня не только клетки, но и всех привычных опор. Письмо шуршало в кармане. Метка под рукавом жгла ровно и настороженно. Дорога впереди была пустой только на первый взгляд.

Я сделала еще шаг.

И в ту же секунду где-то вдали, за поворотом аллеи, слышался низкий, незнакомый звук. Не голос. Не скрип колес.

Рык.

Глухой. Короткий. Предупреждающий.

Мы с Мирой одновременно замерли.

Потом из тумана за деревьями медленно выступил всадник в темном плаще, а за его спиной, в сероватом утреннем воздухе, на миг мелькнул силуэт огромных крыльев.

Я не знала его.

Но сразу поняла одно.

За пределами замка меня действительно ждали.

Глава 8. Первый выброс силы

В первое мгновение я подумала, что это ловушка Рейнара.

Слишком уж вовремя появился всадник. Слишком быстро — будто замок только и ждал, когда я переступлю ворота, чтобы тут же напомнить: свобода для меня — всего лишь другая форма контроля. Мира рядом тихо втянула воздух, сумка в ее руках дернулась, а я стояла неподвижно и смотрела, как темная фигура выходит из утреннего тумана все отчетливее.

Конь под ним был крупный, черный, с серебристой пеной на морде и нервным, почти звериным движением шеи. Сам всадник держался прямо, уверенно, без малейшей суеты. На плечах — плащ темного графита, под ним угадывались дорожные доспехи, не парадные, а боевые. Лицо оставалось в тени капюшона, но даже так в нем чувствовалось что-то чужое этому месту. Не человек двора. Не страж Эстейнов. Не посланник с вежливым поручением.

И все же он не двигался к нам резко.

Просто остановился на расстоянии нескольких шагов.

За его спиной, между голыми ветвями деревьев, на миг снова мелькнула тень огромного крыла — темного, мощного, почти растворенного в тумане. Не видение. Не игра света. Я моргнула, но силуэт не исчез окончательно. Он просто отступил глубже за деревья, как будто огромное существо наблюдало, не желая пока выходить полностью.

Дракон.

Настоящий.

— Леди Лиора, — произнес незнакомец, и голос его оказался низким, спокойным, без придворной приторности. — Вам не стоит задерживаться у ворот.

Я не ответила сразу.

Мира дернула меня за рукав.

— Не разговаривайте с ним, — шепнула она почти беззвучно.

Я бы с ней согласилась, если бы не одно «но»: мужчина назвал меня по имени так, словно знал, кого ждет, а не просто угадывал по одежде и положению. Значит, случайностью здесь не пахло.

— Кто вы? — спросила я.

Он медленно снял капюшон.

Лицо оказалось резче, чем я ожидала. Светлая кожа, темные волосы, убранные назад, прямой нос, жесткий рот, и глаза — серые, холодные, но не пустые. Не как у людей, которые привыкли только выполнять приказ. Скорее как у тех, кто сам их отдает. На виске — тонкий старый шрам. На шее под воротом мелькнул едва заметный знак, похожий на обожженную линию.

— Имя сейчас не главное, — ответил он.

— Для меня главное, — сказала я. — Тем более если кто-то поджидает меня у ворот чужого дома.

Он скользнул взглядом к замку, потом обратно ко мне.

— Тогда назовем это знакомством. Меня зовут Арон Вейл.

Имя ничего мне не сказалось. Но что-то в том, как он его произнес, заставило насторожиться еще сильнее. Будто имя было настоящим, но не полным. Или известным там, где я

никогда не бывала.

— И что вам нужно, Арон Вейл?

— Увести вас отсюда раньше, чем дом Эстейн передумает отпускать.

Я едва заметно напряглась.

— Значит, все-таки вы от него.

— Нет.

— А от кого тогда?

Он посмотрел на мое левое запястье, скрытое рукавом, и на секунду в его лице мелькнуло что-то вроде мрачного подтверждения.

— От тех, кто давно ждал знака, — сказал он. — И, судя по всему, дождался.

Метка тут же вспыхнула жаром.

Слишком резко.

Я стиснула зубы.

Мира заметила и побледнела.

Арон тоже заметил. Но не сделал ни шага ближе.

— Значит, правда, — произнес он тихо. — Печать уже треснула.

Холод мгновенно прошел по спине.

— Откуда вы знаете? — спросила я.

— Знаю достаточно, чтобы понимать, что вам нельзя стоять здесь и спорить со мной на виду у стражи.

Я резко обернулась.

У ворот действительно началось движение. Тот самый сонный стражник уже не выглядел сонным: он переговаривался с кем-то в стороне, и я слишком хорошо догадывалась, что доклад о моем выходе уже отправлен наверх. Возможно, Рейнар и без того знает, что я не у ворот, а здесь, на аллее. Возможно, только дает мне выбрать направление.

И этот человек передо мной мог быть как спасением, так

и еще одной хорошо поставленной западной.

— Леди, пожалуйста, — прошептала Мира. — Уйдем пешком. Просто в другую сторону.

Арон перевел взгляд на нее.

— Пешком вы далеко не уйдете. За вами уже следят.

— Кто? — резко спросила я.

Он не ответил сразу.

И этой паузы хватило, чтобы я разозлилась окончательно.

— Хватит говорить загадками. Или объясняйте прямо, или убирайтесь с дороги.

В серых глазах мужчины мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Хорошо, — сказал он. — Прямо: если у вас действительно треснула брачная печать и началось пробуждение, то через час, может, через два вас попытаются вернуть под контроль. Либо лорд Эстейн, либо те, кто стоят выше него. И если вы хотите узнать, что именно проснулось в вашей кро-

ви, вам придется сделать выбор сейчас.

Сердце ударило тяжело.

— Вы знаете о моей крови?

— Я знаю, чья линия в вас проснулась.

Письмо в кармане словно стало раскаленным.

Он не мог знать про письмо. Или мог? Нет, это уже слишком. Но совпадения кончились еще вчера. Теперь каждая новая правда просто толкала меня глубже в то, что давно было подготовлено кем-то другим.

— Кто вас послал? — спросила я уже тише.

— Женщина, которой вы обязаны были увидеться еще много лет назад. Но тогда время не сложилось.

Иара.

Имя из письма ударило мгновенно.

Я почувствовала, как воздух вокруг меня становится вязким.

— Вы знаете Иару.

— Да.

— Где она?

— Не здесь.

— Очень конкретно.

— Настолько, насколько могу позволить себе у ворот замка, который уже, вероятно, просыпается окончательно.

Он говорил без нервозности, но быстро. Не как человек, любящий театральность, а как тот, кто действительно понимает цену минутам.

Я посмотрела на замок.

Высокие окна, темные шпили, ровные каменные линии — отсюда он казался еще более холодным. Где-то там был Рейнар. Может, уже у окна. Может, уже в пути за мной. Может, уже отправил за мной людей. И как бы сильно я ни ненавидела сейчас мысль о том, что снова оказываюсь чьей-то фигурой в чужой игре, одно оставалось очевидным: стоять меж-

ду воротами и неизвестным посланником слишком долго — роскошь.

— Леди... — Мира снова коснулась моего локтя.

Я знала, что она ждет решения. И что сама я тоже его жду, будто оно может оформиться из воздуха без риска.

Но выбора без риска больше не было.

Я сделала вдох.

— Если я поеду с вами и это окажется ловушкой, — сказала я Арону, — вы умрете раньше, чем пожалеете.

Он чуть склонил голову.

— Справедливо.

— Какая самоуверенность, — не удержалась я.

— Нет. Просто я вижу, что в вас уже хватает силы на угрозы, за которые раньше пришлось бы извиняться.

Это прозвучало почти насмешкой. Но не злой. И, что неожиданно, не обидной.

Я шагнула к нему ближе.

— Где дракон?

Он слегка повернул голову в сторону рощи.

— Ждет.

— Ваш?

— Временно мой.

Я не стала разбираться, что это значит.

— Мира едет со мной.

— Если выдержит.

— Выдержу, — тут же сказала она, хотя по голосу было ясно: ей страшно до дрожи.

Арон коротко кивнул.

— Тогда быстро.

Он развернул коня, и в этот момент все пошло не так.

Из ворот замка раздался крик.

Резкий. Отрывистый. Приказ.

Я обернулась и увидела, как по ступеням вниз сбегает четверо стражников в темных плащах дома Эстейн, а за ними — один из магов внутреннего круга. Высокий, седой, в узком черном камзоле, он двигался не быстро, но с той опасной уверенностью, которая бывает только у людей, привыкших, что сила всегда на их стороне.

Они вышли слишком рано.

Рейнар либо передумал отпускать меня, либо кто-то еще решил действовать без него.

— Поздно, — тихо сказал Арон.

И я вдруг поняла, что это слово относится не к ним.

Ко мне.

Поздно для осторожности. Поздно для тихого ухода. Поздно для роли бывшей жены, которую можно вернуть в

дом красивой ложью и двумя распоряжениями.

Маг у ворот поднял руку.

— Леди Лиора! — его голос, усиленный заклинанием, прокатился над аллеей. — По приказу лорда вы должны немедленно вернуться в замок.

Ложь.

Я не знала, говорил ли он от имени Рейнара или прикрывался им. Но сама формулировка уже заставила во мне все сжаться.

Должна вернуться.

Как просто.

Как будто я лошадь, сорвавшаяся с поводка.

— Не отвечайте, — резко сказал Арон.

Но было уже поздно.

Потому что маг снова поднял руку, и я почувствовала знакомое давление — чужая сила скользнула по воздуху, осто-

рожно, почти мягко, как сеть, которую набрасывают не сразу, а пробуют на расстоянии.

Контур удержания.

Они не собирались убивать меня. Не собирались даже ранить.

Они пришли запереть.

И именно это стало последней искрой.

Я не помню, в какой момент подняла левую руку.

Не помню, успела ли вдохнуть.

Зато помню все остальное.

Как золотая трещина на метке вспыхнула ослепительно, так ярко, что свет прошел сквозь ткань рукава. Как на секунду весь мир сжался до одной раскаленной точки боли под кожей. Как потом эта боль рванулась наружу не вверх, не внутрь, а в пространство.

Первый настоящий выброс силы не был похож на огонь.

Огонь хотя бы можно предсказать.

Это была волна. Дикая, древняя, слишком живая. Воздух вокруг меня с треском выгнулся, будто его ударили изнутри. Под ногами хрустнул гравий. Деревья вдоль аллеи резко согнулись. Стражников у ворот швырнуло назад, один упал прямо на ступени. Маг отшатнулся, пытаясь удержать плетение, но оно рассыпалось золотыми искрами, не выдержав столкновения. Стекла в боковых башнях вздрогнули и зазвенели.

Мира вскрикнула.

Конь под Ароном взвился, но тот удержал его железной рукой.

А я стояла в центре этого ужаса, не понимая, дышу ли вообще.

Сила прошла через меня и вокруг меня, оставив после себя звенящую пустоту, жар в костях и такое чувство, будто внутри груди на секунду расправило крылья что-то огромное.

Не мое.

И мое одновременно.

Тишина после удара была страшнее самого удара.

Стражники у ворот поднимались с трудом. Маг смотрел на меня так, словно видел не женщину, а живую катастрофу. Где-то над крышей замка взвилась стая испуганных птиц.

Я опустила руку.

Она дрожала.

Метка жгла так, что хотелось содрать кожу. Но кроме боли я чувствовала еще и другое — ужасающее, пьянящее осознание: я могу.

Не в смысле «могу выжить».

Могу ударить.

Могу остановить.

Могу больше не быть беспомощной.

И эта мысль пугала меня почти так же сильно, как магов у ворот.

— Лиора! — донесся знакомый голос.

Рейнар.

Я подняла голову.

Он стоял на верхней площадке лестницы, высокий, неподвижный, весь в черном, и смотрел на меня с таким выражением лица, какого я не видела у него никогда. Ни на совете, ни в бою, ни после смерти его отца.

Чистый, неприкрытый шок.

Не от моего ухода.

Не от неповиновения.

От силы.

Наши взгляды встретились, и на одно мгновение мир снова сузился.

Я увидела, как быстро в нем сменяются реакции. Недоверие. Узнавание. Расчет. И то самое опасное напряжение, когда он уже понимает, что все зашло гораздо дальше, чем он

готов был допустить.

Он что-то крикнул вниз, но я не расслышала.

Потому что Арон резко подался ко мне и рявкнул:

— Сейчас!

Я дернулась из оцепенения.

Он уже развернул коня боком и протянул мне руку.

— В седло!

— Я...

— Сейчас, если не хотите, чтобы следующий круг заклинаний оказался сильнее!

Это было правдой. Маг у ворот уже поднимался, собирая новую плетъ силы. Стражники расходились полукольцом. Рейнар на лестнице двигался вниз слишком быстро для человека, который еще секунду назад просто наблюдал.

У меня не осталось времени ни на страх, ни на гордость.

Я схватила Миру за запястье.

— Со мной!

Арон ругнулся себе под нос, но спорить не стал. Одним рывком втянул сначала меня в седло перед собой, потом, почти неестественно быстро, помог Мире втиснуться сзади. Конь под нами яростно заржал, взбивая копытами гравий.

— Держитесь, — бросил он.

И ударил поводом.

Мы рванули вперед как выпущенная стрела.

Позади раздался крик, вспышка заклинания и чей-то приказ остановить нас. Ветер врзался в лицо. Деревья по бокам аллеи слились в темные полосы. А где-то сбоку, совсем близко, я услышала мощный хлопок воздуха и увидела, как над рощей поднимается огромная тень.

Дракон взлетал.

Настоящий.

Черный, как ночная буря, с серебряным отблеском по

кромке крыльев.

Он взмыл в небо почти бесшумно для такого чудовища и на секунду заслонил собой светлое утро. Я не успела испугаться по-настоящему, потому что метка на запястье снова вспыхнула, уже не болью, а каким-то странным откликом — будто кровь внутри меня узнала это существо, не видя его прежде никогда.

Я обернулась.

Замок Эстейн быстро отдалялся, но на лестнице все еще был виден Рейнар. Маленький с такого расстояния, но я знала, что это он. И знала, что он смотрит нам вслед.

Я не могла прочесть его лицо отсюда.

Но почему-то была уверена: он не забудет эту минуту никогда.

Как и я.

Первый выброс силы не просто позволил мне уйти.

Он объявил всему дому, всему замку, всем, кто стоял за спиной магов и советов, что брошенная жена больше не яв-

ляется удобной жертвой.

Теперь я сама была угрозой.

И только когда дорога свернула в лес, а каменные башни скрылись за деревьями, я вдруг поняла, что не чувствую под собой земли.

Не чувствую привычной жизни.

Не чувствую даже себя прежнюю.

Только жар в руке, бешеное сердце и страшный, ослепительный вопрос:

Во что я превращаюсь?

Глава 9. Письмо, которого не должно было быть

Лес проглотил нас быстро.

Сначала исчезли башни замка, потом голоса погони, потом даже ощущение каменной дороги под копытами. Конь неся по узкой тропе между темными стволами так стремительно, что холодный воздух резал лицо, а ветви иногда хлестали по плащу. Где-то над нами, то приближаясь, то уходя в сторону, двигалась огромная тень дракона. Я слышала тяжелый, редкий шелест крыльев и каждый раз невольно вздрагивала, хотя уже понимала: если бы это существо хотело нам вреда, оно не стало бы ждать удобного случая.

Мира за моей спиной молчала так отчаянно, что мне казалось, она просто держится из последних сил и боится открыть рот, чтобы не закричать. Я сама дышала слишком быстро. Не только из-за скачки — из-за всего сразу. Побег. Маги. Выброс силы. Взгляд Рейнара с лестницы. И то страшное, пьянящее ощущение, что мир уже треснул и никогда не сложится обратно в прежнюю форму.

Арон не оборачивался. Только один раз коротко бросил

через плечо:

— Если вас сейчас стошнит, предупреждайте заранее.

Это было настолько неожиданно и до нелепого буднично, что я даже не сразу поняла, что он сказал. А потом почти рассмеялась.

Почти.

— Не дождетесь, — ответила я хрипло.

— Хорошо. Значит, силы в вас больше, чем я опасался.

— А во мне теперь все больше, чем я сама опасалась.

Он ничего не ответил.

Тропа резко ушла вниз, конь перепрыгнул через ручей, еще раз свернул между камней, и только после этого Арон начал замедлять ход. Лес здесь становился гуще, темнее, влажнее. Где-то неподалеку кричали птицы, встревоженные недавним рывком дракона в небе. Солнечный свет пробивался сквозь ветви полосами, но земли почти не касался.

Наконец мы выехали на маленькую поляну, скрытую со

всех сторон скалами и старым ельником. Здесь уже стояли две запасные лошади, привязанные у валуна, и лежали свернутые дорожные мешки. Значит, место подготовили заранее.

Слишком заранее.

Арон соскочил первым, потом помог мне спуститься. Ноги тут же едва не подломились. Я устояла только потому, что вцепилась в седло.

— Леди! — Мира тут же слезла следом и подхватила меня под руку.

— Я в порядке, — выдохнула я по привычке.

— Нет, — одновременно сказали Мира и Арон.

Я бросила на него холодный взгляд.

— Удивительно. Мы знакомы меньше часа, а вы уже повторяете за моей служанкой.

— Значит, она умнее, чем многие при дворе Эстейн.

Я не нашлась, что ответить на это сразу.

В следующую секунду воздух над поляной потемнел.

Я резко вскинула голову.

Дракон опускался между деревьями, огромный, черный, с глубоким металлическим блеском по чешуе. Его крылья двигались мощно и ровно, от одного взмаха по поляне прокатывался упругий поток воздуха. Он приземлился за валуном так тяжело, что земля дрогнула, а сухие иглы осыпались с ветвей. Запахло холодным камнем, дымом и чем-то древним, от чего внутри меня мгновенно отозвалась метка.

Не болью.

Узнаванием.

Это было так странно и так неправильно, что я невольно шагнула назад.

Дракон поднял голову.

Его глаза были не золотыми, как у Рейнара, а светло-серыми, почти стальными. Он смотрел на меня спокойно, без рыка, без угрозы, но от самого этого спокойствия становилось только страшнее. Слишком разумный взгляд для зверя. Слишком чужой для обычного дракона.

— Он не тронет вас, — сказал Арон.

— Вы говорите это так, будто я должна успокоиться.

— Должны.

Я медленно перевела взгляд с дракона на него.

— Это и есть ваш ответ на вопрос, кто вы?

Он выдержал паузу, потом произнес:

— Отчасти.

— А вторая часть?

— Позже.

Меня начинало раздражать это «позже».

— Нет. Сейчас. Я только что сбежала от бывшего мужа, которого, как оказалось, больше не понимаю, меня чуть не заперли собственные стражники, из меня вырвалась сила, способная швырять магов по лестнице, а теперь вы привезли меня в лес к дракону и продолжаете разговаривать загадка-

ми. Позже закончилось.

Метка на руке вспыхнула, будто усиливая мои слова.

Дракон при этом тихо, почти неслышно выдохнул — струйка белесого пара ушла в прохладный воздух.

Арон посмотрел на мое запястье внимательнее.

— Покажите.

— Что?

— Метку.

Я машинально прикрыла руку другой ладонью.

— Сначала вы.

Он чуть склонил голову, будто признавая право на торг.

Потом медленно расстегнул ворот дорожного плаща и оттянул ткань в сторону.

На ключице, ближе к плечу, виднелся знак. Старый, выжженный, не очень крупный, но узнаваемый даже мне, да-

лекой от древних орденов и северных линий: переплетение крыла, круга и тонкой вертикальной трещины посередине. Символ не брака. Не рода. Чего-то иного.

— Что это? — спросила я.

— Знак клятвы стража.

— Чьего стража?

— Линии, к которой, возможно, принадлежите вы.

Тишина упала на поляну тяжело.

Мира рядом шумно выдохнула. Даже дракон за спиной Ароном будто застыл внимательнее.

Я медленно убрала руку с запястья и закатала рукав.

Золотая трещина на метке тут же вспыхнула на свету, как тонкий раскол в живом металле. Вокруг нее старый брачный знак Эстейна казался бледнее, почти вторичным. Будто трещина не разрушала рисунок, а переписывала его.

Арон увидел — и впервые за все время действительно изменился в лице.

Не сильно. Но достаточно, чтобы я заметила.

— Хуже, чем я думал, — тихо сказал он.

— Очень обнадеживает.

— Я не о вас. Я о времени.

— Тогда объясните нормально.

Он протянул руку, но не коснулся, а только указал на край трещины.

— Видите это свечение по бокам? Это не просто разрыв брачной печати. Это наложение старого сдерживающего узора.

У меня перехватило дыхание.

— Сдерживающего?

— Да. Кто-то не только связал вас браком с драконом высокого рода. Кто-то использовал этот союз как крышку для силы, которая должна была либо уснуть, либо подчиниться.

Письмо в кармане отзывалось физической тяжестью.

— Я уже читала нечто подобное, — сказала я осторожно.

Его взгляд резко поднялся к моему лицу.

— Откуда?

— Нашла письмо. Старое. От женщины по имени Эвелина Тарн. Она писала о линии моей матери и о том, что печать может треснуть, если союз построен на подавлении.

Арон выругался сквозь зубы. Негромко, но с таким мрачным облегчением, что я окончательно убедилась: это все не случайно.

— Значит, письмо все-таки дошло, — сказал он.

— Вы знали о нем?

— Я знал, что его пытались передать. Давно. Но был уверен, что оно уничтожено.

— Кем?

— Теми, кто предпочитает, чтобы женщины вашей крови

выходили замуж тихо и исчезали еще тише.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри снова поднимается тот страшный холодный гнев, который уже не раз спасал меня от слабости.

— Какая удобная традиция.

— Именно.

— И кто эти «они»? Совет? Род Эстейн? Мой отец? Все сразу?

Он не ответил мгновенно.

И это молчание было хуже прямого признания.

— Понятно, — сказала я тихо. — Значит, все-таки все сразу.

Арон провел рукой по лицу, словно сам устал от масштаба проблемы.

— Не все в одинаковой степени. Но да. Ваш отец, возможно, считал, что защищает. Совет — что контролирует. Драконьи роды — что действуют разумно. А в итоге вышло то,

что вышло.

Я резко вскинула голову.

— Рейнар знал?

Этот вопрос теперь жег меня почти сильнее самой метки.

Арон посмотрел прямо в глаза.

— Полностью? Вряд ли. Частично? Возможно. Но не думаю, что ему раскрыли всю природу узора. Скорее дали красивую версию: выгодный брак, безопасная невеста, слабый дар, хороший союз.

Это странным образом не приносило облегчения.

Если он не знал, это не отменяло его жестокости. Если знал — тем более. И в обоих случаях я оставалась женщиной, чью жизнь кто-то много лет складывал в удобную схему.

— Где Иара? — спросила я.

— В северном убежище.

— В монастыре?

Он удивленно приподнял бровь.

— Так в письме было и это?

— Да.

— Тогда вам действительно нужно было прочитать его много лет назад.

Я горько усмехнулась.

— Благодарю, это уже сообщили мне и без вас. Видимо, сегодня день откровений.

Мира внезапно опустилась на колени возле дорожной сумки и дрожащими руками начала искать флягу.

— Вам нужно выпить, леди, — сказала она. — И сесть. Вы белая как мел.

Я хотела возразить, но тут в висках резко стукнуло, и поляна на секунду качнулась. Пришлось признать: да, тело все-таки не железное.

Я села на широкий корень у валуна. Холод дерева и земли

помог чуть прийти в себя. Мира сунула мне флягу, и я сделала несколько жадных глотков. Вода была холодной, с легким привкусом мяты.

Дракон все это время не двигался. Только наблюдал.

— Почему он так смотрит? — спросила я, не отрывая взгляда от серых глаз чудовища.

Арон обернулся на него.

— Потому что чувствует пробуждение в вашей крови.

— Он понимает, кто я?

— Возможно, даже лучше нас.

Это совсем не успокаивало.

Я закрыла флягу и вернула Мире.

— Хорошо. Допустим, я еду с вами к Иаре. Что потом?

— Потом вы узнаете, что именно в вас проснулось. Насколько далеко зашел разрыв печати. И почему дом Эстейн уже, вероятно, начнет охоту не только за вами, но и за теми,

КТО ПОСМЕЛ ВАС ВЫВЕСТИ.

— Рейнар будет искать меня.

— Несомненно.

— Почему вы так уверены?

Арон посмотрел на меня почти с усталой ясностью.

— Потому что мужчина, рядом с которым треснула такая печать, уже не сможет просто сделать вид, что ничего не случилось. Либо он захочет вас вернуть под контроль. Либо понять. Либо и то и другое.

Я стиснула пальцы на краю плаща.

Да.

Это было похоже на правду. Слишком похоже. Я снова увидела его лицо на лестнице, тот невозможный шок, переходящий в мгновенный расчет. Рейнар не оставит историю там, где она сорвалась с его рук. Ни за что.

— Тогда нам нужно двигаться, — сказала я.

Арон кивнул, но не сразу сдвинулся с места.

— Есть еще кое-что.

— Разумеется, — устало отозвалась я. — Почему бы не добавить.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист.

Старый. Тонкий. С заломами по краям.

— Это нашли в архивах северной заставы несколько месяцев назад. Мы не были уверены, имеет ли к вам отношение. Теперь — уверены.

Я взяла бумагу.

Сердце почему-то сразу забилось быстрее.

Почерк на листе был другим, не как у Эвелины. Крупнее, тверже. И я узнала его мгновенно, еще до того, как прочитала первое слово.

Почерк моего отца.

Воздух застрял в горле.

— Где вы это взяли? — спросила я еле слышно.

— Я сказал. В северной заставе. Среди старых военных бумаг, которые не должны были там оказаться.

Я развернула лист.

Лиора не должна читать это, если все пошло так, как я надеюсь. Но если читает — значит, я проиграл.

Я не доверяю людям, которые приходят ко мне от имени совета и говорят о выгоде рода. Они улыбаются слишком вежливо, когда речь заходит о моей дочери. И слишком хорошо знают, что в ней спит.

Руки у меня похолодели.

Дальше строки шли быстро, почти нервно.

Мне предложили решение. Брак, который должен закрыть линию. Сильный дракон, крепкая печать, контроль через союз. Они называют это безопасностью. Я называю это клеткой, но не вижу другого выхода, пока жив. Если откажусь, ее заберут иначе — под опеку двора, под присмотр магов, под чужое имя еще раньше.

Если однажды она узнает правду, то возненавидит меня. Возможно, заслуженно. Но пусть лучше ненавидит живого отца, чем станет добычей тех, кто считает ее кровью ресурс.

Я зажмурилась.

На секунду лес, поляна, дракон, Арон, все исчезло. Остался только голос моего отца — не в буквальном смысле, а в том надломе строк, в отчаянной резкости человека, которого загнали в угол и предложили выбор из двух зол. Он согласился. Он подписал мне клетку. Но при этом знал.

Знал.

И это было почти невыносимо.

— Леди... — тихо позвала Мира.

Я не ответила.

Продолжила читать.

Если печать когда-нибудь треснет, значит, расчет тех, кто сильнее меня, оказался неверен. В этом случае ей нужно искать север. Иару. Или любого, кто носит знак разорванного

крыла. Только не возвращаться к тем, кто скажет, что все можно исправить браком снова.

Исправить браком снова.

Я медленно опустила лист.

В ушах шумело.

Письмо, которого не должно было быть, лежало у меня в руках и рушило все сразу. Отца. Его молчание. Его вину. Его страх. И ту часть меня, которая столько лет верила, будто мой брак с Рейнаром — это, по крайней мере, один мой личный выбор.

Нет.

Даже это, оказывается, давно выбрали за меня.

Я подняла глаза на Арона.

— Почему вы отдали это только сейчас?

— Потому что до сегодняшнего дня это было лишь предположением. После того, что случилось у ворот, сомнений не осталось.

Я смяла лист слишком резко, потом заставила себя разгладить его обратно.

— Значит, мой отец действительно знал.

— Да.

— И все равно отдал меня.

— Да.

Прямая правда резала лучше любого ножа.

Я отвернулась, чтобы они не увидели, как у меня дрогнуло лицо.

Не от слез даже. От чего-то страшнее. От окончательного понимания, что в этой истории нет ни одного мужчины, которому я действительно принадлежала бы по любви, а не по расчету, страху, выгоде или контролю.

Отец запер меня ради «защиты». Муж развелся ради «необходимости». Совет, вероятно, с самого начала считал меня фигурой, которую надо выгодно поставить и надежно закрыть.

Хватит.

Эта мысль поднялась во мне как сталь.

Хватит.

Я медленно сложила оба письма вместе — Эвелины и отца — и убрала во внутренний карман плаща.

— Едем, — сказала я.

Арон внимательно всмотрелся в мое лицо, будто проверяя, не сломалась ли я окончательно.

Поздно.

Я уже не ломалась. Я менялась.

— Вы уверены? — спросил он.

— Нет, — ответила я. — Но это давно перестало быть обязательным условием.

Я поднялась на ноги.

Метка на руке горела ровно. Не больно. Почти спокойно. Как будто внутри меня что-то перестало метаться и впервые выбрало направление.

Север.

Правда.

Иара.

И еще кое-что.

Рейнар Эстейн.

Потому что сколько бы ни оказалось в этой истории тайн до него, унижение, которое он мне нанес, я тоже не собиралась прощать миру просто так. Не теперь. Не после всего.

Дракон у валуна снова медленно раскрыл крылья.

Арон взял поводья запасной лошади и протянул их мне.

— Дальше дорога будет тяжелее, — сказал он. — И назад быстро уже не повернуть.

Я приняла повод.

— Назад мне больше некуда.

Глава 10. Больше не слабая

К северу дорога действительно оказалась тяжелее.

Лес быстро стал гуще, тропы уже, воздух — холоднее и сырее. Мы ехали молча, почти без остановок, будто само молчание тоже было частью побега. Впереди держался Арон, ровно и уверенно, как человек, который знает эти места лучше, чем собственный дом. Чуть выше, временами исчезая за вершинами деревьев, скользила тень дракона. Мира ехала рядом со мной на второй лошади и все чаще поглядывала так, будто боялась, что я вот-вот упаду прямо в седле.

Я не падала.

Но внутри происходило нечто странное.

После прочтения второго письма боль уже не рвала меня, как в первые часы после бала. Она не исчезла. Не стала слабее. Просто изменилась. Острая рана превратилась в глубокий раскаленный металл под ребрами — тяжелый, постоянный, уже почти несущий в себе форму. Я больше не чувствовала себя женщиной, которую только что сломали. Скорее женщиной, которая впервые увидела, как именно ее ломали годами.

И это давало силу, страшную в своей ясности.

Слабой меня делал не недостаток магии.

Слабой меня делала вера в чужую волю.

Я долго смотрела на дорогу перед собой, на колышущиеся поводья, на темные спины лошадей и думала о том, как тонко устроена клетка. Иногда это не стены. Не замки. Не прямые запреты. Иногда это любовь, в которой ты становишься удобной. Брак, где твое молчание называют достоинством. Забота, под которой прячут контроль. Защита, ради которой тебя запирают в чужом решении.

Мой отец считал, что спасает меня.

Рейнар считал, что поступает необходимо.

Совет, вероятно, называл все это порядком.

А я все эти годы называла жизнью.

Какая жестокая шутка.

— Вы слишком тихая, — сказал Арон, не оборачиваясь.

Я подняла на него взгляд.

— А вы слишком часто это замечаете.

— Потому что после таких откровений люди обычно или плачут, или задают слишком много вопросов. Вы делаете третье.

— И что же?

— Меняетесь.

Я ничего не ответила.

Потому что он был прав.

Ближе к полудню мы остановились у каменного выступа, где из скалы тонкой струей текла вода. Место было почти незаметным, если не знать, куда смотреть: низкие сосны, мокрый мох, серый камень, запах хвои и ледяной сырости. Дракон спустился ниже, но не на самую поляну — остался на гребне скалы, темной неподвижной громадой на фоне бледного неба.

Мира сразу занялась лошадьми, радуясь хоть какому-то

делу. Я же спешила медленно, чувствуя, как после долгой дороги дрожат ноги. Метка под рукавом тлела уже почти непрерывно, но теперь жар не причинял мучения. Он стал знакомым. Как будто внутри моей крови кто-то проснулся и больше не собирался снова засыпать.

Я подошла к воде, умыла лицо и на секунду задержала ладони в ледяном потоке. Это отрезвило.

За спиной послышались шаги Арона.

— Через час будем у перевала, — сказал он. — После него начнутся старые северные тропы. Там нас сложнее отследить.

— Но не невозможно.

— Не невозможно.

Я выпрямилась.

— Вы все время говорите «нас», будто уже решили, что я вам доверяю.

— Не решили. Просто вы все еще здесь.

Я повернулась к нему.

— А если бы не была? Что тогда? Оставили бы меня у ворот, как только поняли, что я не собираюсь покорно идти на поводу?

В серых глазах мелькнула тень чего-то усталого.

— Нет. Я все равно вывел бы вас оттуда. Вопрос был только в том, с боем или без.

— Какая честь.

— Это не честь. Обязанность.

Я сжала губы.

Еще одно слово, от которого меня уже начинало тошнить.

— Не произносите это, — тихо сказала я.

Он нахмурился.

— Что именно?

— Обязанность. Необходимость. Защита. Все эти краси-

вые слова, которыми мужчины веками оправдывают право решать за женщин. Я больше не хочу их слышать.

Некоторое время он молчал. Потом кивнул.

— Хорошо.

И, к моему удивлению, не стал спорить.

Я опустилась на валун у воды. Карман плаща, где лежали оба письма, будто тянул вниз сильнее, чем ткань и холодный металл застёжки. Я все еще чувствовала на коже отцовские строки, словно они не были написаны, а вырезаны изнутри.

— Он правда думал, что другого выхода нет? — спросила я вдруг.

Арон понял без уточнений, о ком речь.

— Думаю, да.

— Это не делает его правым.

— Нет.

— Но вы хотите, чтобы я его пожалела?

— Нет.

Я подняла глаза.

— Тогда чего вы хотите?

— Чтобы вы не тратили силу на ненависть к мертвому, если живые враги все еще рядом.

Я усмехнулась. Безрадостно.

— Удивительно разумно для человека, который постоянно появляется со словами, переворачивающими мою жизнь.

— Вы предпочли бы ложь?

— Нет. Но иногда правда подается так, будто ее рубят топором.

— Возможно, только так она доходит, когда человек много лет жил в мягкой клетке.

Это было жестко.

И снова — справедливо.

Я опустила взгляд на воду. На мгновение в ней отразилось мое лицо: уставшее, осунувшееся, с потемневшими глазами и слишком прямой линией рта. Еще вчера я бы увидела в этом отражении женщину после личной катастрофы. Сегодня — уже нет.

Сегодня я видела женщину после пробуждения.

— Как вы поняли, что печать треснула именно сейчас? — спросила я.

Арон прислонился плечом к скале.

— Мы почувствовали выброс ночью.

— Мы?

— Те, кто следит за старыми линиями.

— Вас много?

— Достаточно.

— И вы все это время просто ждали, пока моя жизнь рухнет?

Он резко посмотрел на меня.

— Нет. Мы ждали, когда вы станете недосыгаемы для контроля печати. Это не одно и то же.

— Для меня сейчас очень похоже.

Он не отвел взгляд.

— Понимаю.

И снова это «понимаю» не прозвучало пусто. Но легче от этого не стало.

Мира подошла, осторожно протягивая мне кусок хлеба и сушеное мясо.

— Вам нужно поесть, — сказала она. — Хоть немного.

Я взяла еду больше ради нее, чем ради себя. Есть не хотелось, но тело начинало напоминать о себе слишком настойчиво. После нескольких глотков воды и пары кусков хлеба в голове прояснилось сильнее.

И именно тогда я ощутила это.

Не снаружи. Внутри.

Глухой толчок где-то под солнечным сплетением. Потом еще один. Словно кто-то огромный и сонный повернулся в глубине меня, проверяя, проснулась ли хозяйка окончательно.

Я замерла.

Хлеб выпал из пальцев.

— Леди? — Мира тут же присела передо мной.

Я не сразу смогла вдохнуть.

Жар пошел волной — вверх, по ребрам, в ключицы, в левую руку, прямо к метке. Не больно. Слишком сильно. Слишком полно. Мир на секунду сделался чрезмерно четким: я слышала, как падают капли с камня, как шуршит ветер по хвое, как дракон наверху меняет положение тела, как Мира задерживает дыхание, как Арон мгновенно выпрямляется.

— Что с вами? — спросил он.

Я подняла руку.

Рука дрожала. Золотая трещина на метке уже не просто светилась — она пульсировала, будто под кожей текло жидкое солнце.

— Опять... — выдохнула Мира.

— Нет, — сказала я, сама не понимая, откуда знаю. — Это не так, как раньше.

И правда.

Первые вспышки силы были хаосом. Судорогой. Выбросом боли и ярости. Сейчас внутри меня происходило другое. Не взрыв — подъем. Как если бы что-то расправлялось медленно, но неумолимо. Не ломало меня изнутри, а требовало места.

Мир качнулся.

И в тот же момент я увидела.

Не глазами.

Внутренним ударом памяти, которой у меня не было.

Черный зал, освещенный живым золотым пламенем. Женщины в длинных темных одеждах, стоящие полукругом. Огромное зеркало из дымчатого металла. И голос — женский, низкий, древний, настолько сильный, что от него хотелось склонить голову:

Никогда не называй слабостью то, что было заперто.

Я вскинула голову так резко, что чуть не задохнулась.

Видение исчезло.

Поляну, воду, лес, Миру и Арона я увидела снова сразу, но сердце колотилось так, будто я только что вынырнула из глубокой воды.

— Что вы увидели? — быстро спросил Арон.

Я смотрела на него, еще не до конца вернувшись в себя.

— Женщин, — сказала я. — Много. Зал. Голос. И... зеркало.

Он резко выдохнул.

— Значит, память крови открывается.

— Память чего?

— Линии. Старой линии.

Мира испуганно переводила взгляд с меня на него.

— Это плохо?

— Это быстро, — ответил он.

— Вы сейчас отвратительно умеете успокаивать, — сказала я.

В уголке его рта дернулось что-то, почти похожее на тень усмешки.

— Уже заметил.

Но я не отвлекалась. Слова из видения не отпускали.

Никогда не называй слабостью то, что было заперто.

Слишком точно. Слишком вовремя. Слишком глубоко.

Все эти годы меня называли слабой. Придворные — вежливо. Совет — наверняка холодно и расчетливо. Рейнар — не всегда вслух, но достаточно ясно в каждом своем взгляде. Даже я сама привыкла думать о себе именно так. Тихая. Бледная. Неподходящая. Не сумевшая. Не справившаяся.

А если дело было не в слабости?

Если все это время во мне держали не отсутствие силы, а ее запертость?

Я медленно поднялась на ноги.

Жар внутри не исчезал. Но теперь он уже не давил. Он стоял во мне ровно, как новая ось.

— Лиора, — осторожно сказал Арон, — вам нужно сесть.

— Нет.

Он нахмурился.

— Это может быть опасно.

Я посмотрела на него спокойно. Почти удивительно спо-

койно для самой себя.

— Опасно мне было все последние годы, просто я этого не понимала.

Мира вскочила.

— Леди...

— Послушай меня, — сказала я, не отрывая взгляда от Арона. — Я больше не хочу, чтобы при каждом движении моей силы все вокруг смотрели на меня так, будто я сейчас рухну или взорвусь. Да, мне страшно. Да, я не понимаю, что со мной происходит. Но я больше не та женщина, которую нужно все время усаживать, уводить, прятать и успокаивать. Поняли?

Последнее слово я адресовала уже обоим.

Мира тут же опустила глаза. Арон — нет.

И через несколько секунд медленно кивнул.

— Понял.

— Хорошо.

Я опустила руку на грудь, будто хотела удержать этот новый внутренний стержень на месте. Но удерживать ничего не пришлось. Он уже был там.

Впервые с самого начала кошмара я не чувствовала себя человеком, которого несет поток.

Я сама стояла в центре.

— Что дальше? — спросила я.

— Перевал, — ответил Арон. — Потом старая северная дорога. К вечеру, если повезет, доберемся до первого укрытия.

— Не до убежища Иара?

— Нет. Туда еще день пути.

— Значит, едем.

Он все еще смотрел слишком внимательно.

— Вы уверены, что сможете?

Я застегнула плащ до горла, скрывая письма и метку.

— Сможет не та, что вышла из замка утром. А та, что выехала из леса сейчас.

Мира смотрела на меня с влажными глазами, будто не понимала до конца, радуется ли это или пугает.

И, наверное, правильно.

Потому что меня это тоже одновременно пугало и делало сильнее.

Я подошла к своей лошади и взялась за седло. На этот раз нога не дрогнула. Тело все еще было уставшим, но внутри уже не было той рассыпанности, с которой я села на коня у лесной поляны. Я подтянулась, устроилась в седле и взяла поводья так уверенно, словно делала это не впервые после катастрофы, а после долгого и нужного урока.

Сверху, с гребня скалы, донесся низкий звук.

Дракон.

Я подняла голову.

Огромное черное существо смотрело на меня сверху вниз, и в его стальных глазах, как ни безумно это было, мне почудилось нечто вроде признания.

Не жалости.

Не угрозы.

Признания силы.

Метка под рукавом отозвалась мягким жаром.

Я не отвела взгляда.

— Что? — тихо спросила я почти шепотом. — Тоже считаешь, что я наконец проснулась?

Дракон медленно раскрыл крылья.

И в этом движении не было ответа словами. Но почему-то этого оказалось достаточно.

Арон уже выводил коня на тропу. Мира поспешно села на свою лошадь. Ветер на перевале усиливался, приносил сырость и запах дальнего камня.

Я еще раз оглянулась назад, туда, где далеко за лесами и холмами остался замок Эстейн.

Там меня называли слабой.

Там меня бросили.

Там решили, что без чужого имени я исчезну.

Я сжала поводья.

Нет.

Больше не слабая.

Пусть это станет первым, что я действительно скажу о себе без страха ошибиться.

— Едем, — произнесла я.

И на этот раз голос у меня звучал уже совсем иначе.

Глава 11. Кровь первородных

К перевалу мы вышли ближе к вечеру.

Солнце еще не село, но свет уже стал другим — холодным, косым, будто день сам отступал перед севером. Лес редел постепенно, пока не расступился совсем, и впереди открылся длинный каменный подъем между серыми скалами. Дорога здесь была старой, местами почти уничтоженной временем: щербатые плиты, выбоины, остатки когда-то выложенного борта, по которому теперь рос мох. Ветер тянул с высоты ледяной сыростью, и чем выше мы поднимались, тем отчетливее я чувствовала, что пересекаю не просто пространство, а границу.

Позади осталась моя прежняя жизнь.

Впереди начиналось то, чему у меня пока не было имени.

Мира куталась в плащ и все чаще вздрагивала от порывов ветра. Арон ехал впереди молча, не тратя слов на подбадривание или объяснения, и это почему-то меня не раздражало. После всего пережитого за день пустые слова казались оскорблением. Лучше уж холод, ветер и правда в сыром виде.

Дракон то исчезал из виду, то снова появлялся над гребнем, огромный, темный, почти слившийся с небом. Каждый раз, когда его тень проходила по скалам, метка у меня на запястье отзывалась странным ровным жаром. Уже не вспышкой. Не болью. Скорее тихим откликом, будто эта часть мира — север, высота, камень, драконье присутствие — была куда ближе моей новой природе, чем залитые золотом залы Эстейнов.

Чем выше мы поднимались, тем чаще меня преследовало ощущение, что я здесь уже была.

Не по-настоящему. Не телом.

Кровью.

Памятью.

Отголоском.

Иногда это приходило как легкий толчок узнавания при виде скального уступа или черного провала между камней. Иногда — как почти физическое ощущение чужих шагов рядом, женских голосов, давно стихших, но не до конца исчезнувших. Я пыталась отмахнуться, списать это на усталость,

но с каждым часом становилось труднее.

Наконец Арон поднял руку, давая знак остановиться.

Мы достигли узкой площадки у самого излома перевала, где скалы сходились почти вплотную, оставляя только щель для дороги. Здесь ветер выл особенно сильно, а в камне темнел вход в естественную нишу — достаточно глубокую, чтобы спрятать лошадей и укрыться от посторонних глаз.

— Передохнем здесь, — сказал Арон. — Дальше будет спуск, и после него начинается старая северная линия. Ночью по ней идти опаснее.

Я спешила, стараясь не показывать, насколько ноют ноги. День дороги и постоянное напряжение сделали свое дело, но я не хотела произносить это вслух. Не сейчас, когда сама едва-едва начала чувствовать в себе не только боль, но и стержень.

Мира сразу полезла в сумку за плащом потеплее. Я же подошла к краю площадки и посмотрела вниз.

Отсюда мир казался разбитым на темные пласты: леса, ущелья, серебряные нити рек, далекие сизые хребты. Где-то там, за этим холодным простором, остался замок. Остался

Рейнар. Осталась женщина, которой я была еще вчера утром. Я всматривалась в северные просторы и вдруг поняла: я не хочу назад даже для того, чтобы что-то кому-то доказать.

Я хочу вперед.

Это было важнее.

За спиной слышались шаги Арона.

— Вы чувствуете его? — спросил он.

— Кого?

— Север.

Я усмехнулась без улыбки.

— Вы опять начинаете говорить так, будто я обязана все понимать по одному слову.

— А вы опять отвечаете так, будто вас это хоть немного не занимает.

Я обернулась к нему. Он стоял рядом, плащ хлестал по сапогам на ветру, волосы растрепались, но взгляд оставался

таким же холодно-собранным.

— Хорошо, — сказала я. — Да. Я чувствую что-то странное. Будто эти места мне знакомы. Но я здесь никогда не была.

— Телом — нет, — ответил он. — Но кровь помнит.

После письма Эвелины, после слов отца и видения у ручья эта фраза уже не звучала как безумие. Скорее как часть новой реальности, к которой мне придется привыкнуть, хотела я этого или нет.

— Кто такие первородные? — спросила я.

Он посмотрел на меня внимательнее, будто ждал этого вопроса давно.

— Вы слышали это имя?

— Нет. Но, когда вы говорите о линии, о старой крови, о севере... я начинаю понимать, что речь не просто о каком-то забытом женском даре.

Арон коротко кивнул.

— Не просто.

Я ждала продолжения. Он молчал.

— Может быть, сегодня вы попробуете закончить мысль без пытки паузами?

На этот раз тень усмешки мелькнула у него совершенно явно.

— Хорошо. Тогда прямо. Первородные — это не род в привычном смысле. И не династия. Это первые носители драконьей крови, в которой огонь и человеческое начало еще не были разделены так, как позже у великих домов.

Холодный ветер ударил сильнее, но я едва его заметила.

— То есть...

— То есть нынешние драконьи лорды, вроде Эстейнов, — уже производная линия. Сильная, древняя, уважаемая. Но не исходная.

Я смотрела на него молча.

В голове мгновенно всплыл Рейнар — его золотые глаза,

драконья сила, холодная уверенность дома, считавшего себя вершиной старой мощи. И тут же — слова Арона, сказанные почти буднично: производная линия.

— А первородные? — спросила я.

Он перевел взгляд в даль, на северные скалы.

— У них было иначе. Сильнее. Глубже. Опаснее. Их кровь не терпела полного подчинения через обычные брачные печати. Их женщины рождались реже мужчин, но когда рождались — часто не уступали им ни в силе, ни в праве вести за собой. Поэтому их и боялись.

Я почувствовала, как внутри поднимается странное, тяжелое тепло.

Не радость.

Не гордость.

Слишком рано для этого.

Скорее жуткое узнавание, как если бы чужая история наконец начала подбираться к моему имени вплотную.

— И моя мать была одной из них? — спросила я.

— Не в чистом виде. Но ее линия шла от них. Ослабленная, скрытая, разбавленная браками и временем. Все думали, что она окончательно затихла.

— Но не затихла.

— Нет.

Я опустила взгляд на свое запястье.

Трещина светилась под кожей тонко, но упорно. Вокруг нее старая брачная метка казалась почти чужой, как печать поверх того, что давно не имело права оставаться закрытым.

— Поэтому меня и запирали? — тихо спросила я. — Потому что боялись, что во мне это проснется?

Арон ответил не сразу.

— Не только боялись. Некоторые считали, что это можно использовать.

Конечно.

Почему-то именно это уже не удивило.

— Кому понадобилась бы женщина с такой кровью? — спросила я, хотя часть ответа уже знала.

— Совету — как редкий ресурс влияния. Домам — как союз, который можно либо контролировать, либо не допустить к свободе. Магам — как объект изучения. А мужчинам, привыкшим думать в категориях власти, — как нечто, что они не смогут спокойно оставить вне своих рук.

Последние слова прозвучали очень ровно.

Слишком ровно.

Я подняла на него взгляд.

— Вы сейчас говорите о ком-то конкретном?

— О системе, — ответил он.

— Ложь.

Ветер рванул мой плащ. Некоторое время мы просто смотрели друг на друга.

Потом он сказал:

— Хорошо. И о конкретных людях тоже.

— Например, о Рейнаре?

— Возможно.

У меня в груди что-то болезненно дрогнуло. Не от любви — уже нет. Скорее от того, как быстро любые разговоры о силе, крови и праве неминуемо приводили к нему. К человеку, рядом с которым все это треснуло.

— Он не выглядел человеком, который знал, что рядом с ним нечто настолько... старое, — произнесла я.

— Полностью — нет. Но почувствовать, что вы не так просты, он мог давно. Особенно если печать все эти годы работала не как обычный брачный знак, а как крышка на раскаленном котле.

Я горько усмехнулась.

— Прекрасное сравнение. Значит, я все это время была сосудом с подавленной бурей, а он — человеком, который считал, что крышка надежна.

— Что-то вроде того.

— И теперь буря вышла наружу.

— Только первая волна, — тихо сказал он.

От этих слов стало холоднее, чем от ветра.

Я отвернулась и снова посмотрела вниз, в горные тени. Первая волна. Значит, все, что уже произошло — боль, вспышки, выброс у ворот, видения — это еще даже не основное.

Часть меня хотела ужаснуться.

Другая — странным образом выпрямилась внутри еще сильнее.

— Почему о первородных почти ничего не осталось в хрониках? — спросила я. — Я читала много. Легенды, историю домов, старые брачные союзы. Но такого названия не встречала.

— Потому что историю пишут победившие линии, — ответил Арон. — И потому что исчезновение первородных

оказалось удобнее, чем признание того, что их не уничтожили полностью, а растворили. Через браки. Через изоляцию. Через контроль. Через религию. Через советы. Через страх перед женщинами, которых нельзя сделать просто чьими-то женами.

Последняя фраза резанула особенно сильно.

Потому что я слишком хорошо знала, как именно работает это «просто чьими-то женами».

Мира подошла к нам, держа в руках кружку с горячим настоем. Вид у нее был уставший, продрогший, но взгляд — внимательный.

— Выпейте, леди, — тихо сказала она. — Иначе замерзнете совсем.

Я взяла кружку и только тогда заметила, как сильно похолодели пальцы.

— Ты слышала? — спросила я ее.

Она кивнула.

— Не все. Но достаточно.

— И что думаешь?

Мира опустила глаза, как делала всегда, когда собиралась сказать что-то искреннее.

— Что мне все равно, какая именно у вас кровь, леди. Я только вижу, что вас слишком долго заставляли быть меньше, чем вы есть.

Горячий настой обжег губы.

Я ничего не ответила. Не сразу. Потому что в горле вдруг стало слишком тесно для слов.

Арон тем временем отошел к лошадям, будто намеренно оставляя мне несколько минут тишины. И за это я неожиданно была ему благодарна.

Я медленно пила настой, смотрела на северные скалы и думала о матери. О женщине, которую я почти не помнила. О том, что она, возможно, знала, кем была сама и кем могла стать ее дочь. О том, что отец, как бы он ни называл это защитой, все равно отдал меня в клетку. О том, что Рейнар выбросил меня как бесполезную жену, даже не догадываясь, насколько глубоко ошибается в самой сути моей природы.

Больше не слабая.

Слова, сказанные у скал, звучали теперь иначе. Не как упрямая попытка убедить себя. Как факт, который начинает принимать форму.

— А что значит знак разорванного крыла? — спросила я, когда Арон вернулся.

— Старый символ тех, кто остался служить линии после падения первородных домов. Не слуги в прямом смысле. Скорее хранители, проводники, иногда — стражи.

— И вы один из них.

— Да.

— Почему именно вы приехали за мной?

Он посмотрел на меня чуть дольше обычного.

— Потому что моя клятва связана с ветвью вашей матери.

Это прозвучало так спокойно, будто не переворачивало еще один пласт моей реальности.

— Вы знали мою мать?

— Нет. Но знал тех, кто был рядом с ней.

— И никто не попытался вытащить меня раньше?

Он выдержал мой взгляд.

— Пытались. Несколько раз. Безуспешно.

Я закрыла глаза на секунду.

Значит, где-то там, за пределами моей мирно организованной клетки, действительно были люди, которые знали. Пытались. Следили. Не бросали полностью. Это не отменяло всего остального. Но в этом впервые за сутки было что-то, не окрашенное только предательством.

Хотя доверять сразу я все равно не собиралась.

— Что будет, если я все-таки не справлюсь с этой силой?

— спросила я.

Арон ответил очень просто:

— Тогда она справится с вами.

Мира испуганно ахнула.

А я только кивнула.

Странно, но честный ответ пугал меньше, чем сладкие обещания безопасности.

— А если справлюсь?

Он посмотрел на мою руку, потом мне в лицо.

— Тогда мир вокруг вас начнет меняться быстрее, чем вы готовы.

Это уже происходило.

И мы оба это знали.

Сверху слышался низкий звук — дракон. Он поднялся со скалы, прошел над перевалом и скрылся по ту сторону хребта, словно проверяя дорогу вперед.

Арон выпрямился.

— Нужно идти. До темноты хочется быть ниже по северной тропе.

Я поставила пустую кружку на камень и глубоко вдохнула ледяной воздух. Он обжег легкие, но внутри от этого стало яснее.

Кровь первородных.

Еще утром я была брошенной женой дракона, у которой отняли имя.

Теперь я ехала на север с пониманием, что во мне, возможно, пробудилась линия, которую веками пытались или спрятать, или использовать, или подчинить.

Это не делало меня сильной мгновенно.

Не снимало боли.

Не отменяло унижения.

Но меняло один главный вопрос.

Раньше я думала: почему со мной это случилось?

Теперь — кем я стану, когда сама узнаю правду до конца?

Я взялась за поводья и легко, почти без усилия, поднялась в седло.

Ветер на перевале ударил в лицо.

Север лежал впереди — холодный, опасный, открытый.

И впервые за долгое время это слово не звучало как угроза.

Оно звучало как возможность.

Глава 12. Тайный хранитель

Спуск с перевала оказался тяжелее подъема.

Северная сторона горы встречала не только холодом, но и каким-то особым молчанием. Здесь даже ветер звучал иначе — не выл в расщелинах, как на южной стороне, а скользил длинными ровными потоками, будто сам знал эти камни слишком давно, чтобы тратить силу на крик. Дорога уходила вниз серыми зигзагами, местами почти исчезая под осыпями. Под копытами лошадей хрустели мелкие камни, из-под скал сочилась ледяная вода, а над всем этим висело раннее северное сумеречное небо — холодное, тонкое, будто сделанное не из облаков, а из старого металла.

Мира ехала осторожно, слишком крепко сжав поводья. Я несколько раз порывалась сказать ей, чтобы расслабила руки, иначе лошадь будет нервничать еще больше, но не стала. Сегодня каждый держался за контроль так, как умел. Даже я.

После разговора на перевале внутри меня поселилась новая тишина.

Не пустота. Не выжженное оцепенение. А именно тишина — плотная, собранная, внимательная. Слова «кровь пер-

вородных» продолжали звучать внутри, как чужое имя, которое вдруг оказалось твоим собственным. Я еще не умела его носить. Не понимала, что оно влечет за собой. Но отмахнуться уже не могла.

Первородные.

Женщины, которых нельзя было сделать просто чьими-то женами.

Слишком точная фраза. Слишком поздно услышанная.

Я вспоминала Рейнара — холодного, безупречного, привыкшего, что мир подчиняется его силе и воле. Вспоминала себя рядом с ним — тихую, терпеливую, почти прозрачную в попытке не мешать, не тревожить, не становиться лишним неудобством. И теперь все это казалось извращенной насмешкой судьбы. Он развелся со мной, потому что счел слабой, бесполезной, неподходящей для рода. Потому что думал, что знает, кого отпускает.

Не знает.

И если уж говорить совсем честно, я сама тоже не знала.

— Не оборачивайтесь резко, — сказал вдруг Арон.

Я сразу напряглась.

— Почему?

— Потому что за нами идут.

Мира тихо ахнула.

Я же не обернулась именно потому, что он предупредил. Только перевела взгляд на него. Он ехал чуть впереди, но я видела, как изменилось напряжение его плеч и как рука слишком спокойно лежит возле ножен.

— Люди Рейнара? — спросила я негромко.

— Нет.

— Откуда такая уверенность?

— Они двигались бы иначе.

Я чуть прищурилась.

— Очень исчерпывающе.

— Для начала хватит.

Это начинало раздражать, но я уже знала: если Арон так отвечает, значит, сам пока не уверен до конца или не хочет поднимать панику раньше времени.

— Сколько? — спросила я.

— Один. Может быть, двое. Но ближе всего один.

Мира побледнела еще сильнее.

— Нас догнали?..

— Нет, — отозвался Арон. — Нас сопровождали с самого перевала.

От этих слов по спине прошел холод.

Я невольно подумала о маге у ворот, о том, как быстро в замке поняли, что обычные формулировки на меня больше не действуют, и как после выброса силы все могло поменяться в считанные минуты. Но Арон ведь сказал — не люди Рейнара. Значит, кто-то еще. Еще одна сила в этой истории. Еще один слой, о котором я ничего не знаю.

Как же я устала от чужого знания вокруг собственной жизни.

— И что будем делать? — спросила я.

— Доедем до старого моста, — ответил Арон. — Там будет удобнее понять, кто это.

Я кивнула, хотя внутри уже поднималась знакомая смесь страха и злости. Меня всю жизнь слишком долго вели по коридорам неизвестности, объясняя все после или не объясняя вовсе. Но сейчас я хотя бы была в движении. Хотя бы ехала туда, где существовал шанс узнать, кем являюсь на самом деле. И это уже делало любой страх терпимее.

Старый мост показался через полчаса.

Он был узким, каменным, перекинутым через глубокий разлом, по дну которого бежала черная вода. Парапеты давно осыпались, опорные арки покрылись трещинами, но сама кладка еще держалась — упрямо, как все на севере. По обе стороны моста росли низкие искривленные сосны, а дальше снова уходила вниз темная тропа.

Арон спешил первым.

— Ждите здесь, — сказал он.

— Нет, — сразу ответила я.

Он посмотрел на меня.

— Лиора.

— Нет. Я устала ждать в стороне, пока мужчины вокруг решают, что со мной делать. Если за нами кто-то идет, я хочу видеть его сама.

Мира тихо простонала себе под нос, как человек, который одновременно боится за меня и уже понял, что спорить бесполезно.

Арон задержал на мне взгляд на секунду дольше, потом кивнул.

— Тогда без резких движений. И если я скажу отойти — вы отходите.

— Я подумаю.

— Нет, вы отходите.

— Посмотрим.

На этот раз он даже не стал скрывать раздражение.

— Прекрасно. В вас действительно просыпается что-то древнее.

— Спасибо. Стараюсь соответствовать семейной легенде.

Несмотря на обстановку, в его глазах мелькнуло что-то почти живое.

Мы прошли на середину моста.

Ветер здесь был сильнее, а шум воды внизу — глухим, тяжелым. Я смотрела вперед, на пустую тропу между камнями, и чувствовала, как метка под рукавом начинает медленно нагреваться. Не вспышкой. Предчувствием.

Потом из-за поворота вышел человек.

Старик.

Высокий, очень сухой, в длинном темном плаще, который когда-то, наверное, был дорогим, а теперь выглядел изношенным до благородной ветхости. Волосы почти белые, со-

бранные у шеи, лицо узкое, с глубокими морщинами и носом, слишком прямым для простолюдина. Он опирался на посох не так, как делают это слабые люди, а так, как вооруженные — на привычный инструмент силы. И шел неспешно. Слишком неспешно для того, кто знает, что его уже ждали.

Арон мгновенно изменился. Вся его фигура стала жестче.

— Назад, — сказал он мне вполголоса.

Я не двинулась.

Старик остановился в нескольких шагах и перевел взгляд сначала на Арона, потом на меня.

И я почувствовала это сразу.

Он знает.

Не мое имя, может быть. Не все подробности. Но мою кровь — точно. Это ощущение пришло не логикой. Тем странным внутренним узнаванием, которое уже несколько раз вело меня вернее любых слов.

Старик склонил голову.

— Значит, успели, — произнес он.

Голос у него был глубокий, шершавый, но ясный.

— Кто вы? — спросила я раньше Арона.

Он посмотрел на меня так внимательно, что стало не по себе.

— Илара все-таки оказалась права. Глаза матери, но взгляд уже не ее. Хорошо. Значит, выжила.

Я застыла.

Имя он произнес не так, как Арон — Иара, а чуть иначе, древнее, глубже. Но сомнений не было: речь шла о той самой женщине.

— Откуда вы знаете мою мать? — спросила я.

Старик ничего не ответил. Вместо этого посмотрел на мое левое запястье, скрытое тканью, и в его глазах произошло то же, что прежде у Арона, — мгновенное узнавание, перемешанное с тревогой.

— Уже треснула, — тихо сказал он.

— Еще шаг — и ты останешься без руки, — холодно предупредил Арон.

Старик перевел взгляд на него и только тогда позволил себе легкую, почти утомленную усмешку.

— Все такой же вежливый, северный страж.

— Все такой же живучий, архиварь.

Архиварь.

Слово ничего мне не сказало, но явно значило больше, чем обычную должность.

— Вы знаете друг друга, — произнесла я.

— К несчастью, — сказал Арон.

— К счастью, — возразил старик. — Иначе девочка уже давно умирала бы в одной из ваших прекрасно охраняемых тайных обителей, так ничего и не поняв о собственном происхождении.

Я почувствовала, как внутри резко поднимается раздражение.

— Перестаньте говорить обо мне так, будто меня здесь нет.

Оба тут же замолчали.

Старик посмотрел на меня снова, и в этот раз я уловила не просто внимание, а оценку. Будто он проверял не внешность, а нечто глубже — реакцию, осанку, то, как я держу голову, как стою на мосту, не отступая ни на шаг.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, не совсем поздно.

— Для чего?

Он медленно подошел ближе на один шаг. Арон напрягся, но не остановил.

— Меня зовут Тэран Восс. Когда-то я был хранителем северных записей Дома Пепельного Крыла.

Слова ударили странно. Не смыслом — он еще не успел сложиться, — а тем, как тело на них отозвалось. Метка под рукавом нагрелась сильнее, а где-то глубоко в памяти кро-

ви снова мелькнула тень огромного зала и женских фигур у живого огня.

— Что это за дом? — спросила я.

Старик смотрел на меня так, словно сам ждал этого вопроса много лет.

— Один из последних домов первородных, где власть не передавалась только по мужской линии. Дом вашей матери. И, по крови, ваш.

Мир на секунду стал слишком тихим.

Даже шум воды внизу будто ушел дальше.

— Нет, — выдохнула Мира за моей спиной.

Я же не сказала ничего.

Не смогла.

Дом.

Не линия, не дальняя кровь, не легенда, растворенная браками.

Дом.

У меня есть дом, о котором я не знала.

Вернее, был. Или есть? И если был — что с ним стало? Почему я о нем не слышала? Почему мать никогда не говорила? Почему отец спрятал не просто опасный дар, а целое наследие?

Вопросы рванулись в голове так быстро, что стало больно.

— Это невозможно, — произнес Арон.

— Только потому, что вам так было удобнее считать, — отрезал Тэран. — Вы охраняли кровь, но давно перестали помнить ее дом.

— Дом Пепельного Крыла пал.

— Не до конца.

— Мы искали остатки архивов десятилетиями.

— Плохо искали.

Я вскинула руку.

— Довольно.

Они оба замолчали.

Я смотрела на старика и чувствовала, как во мне снова поднимается то стальное спокойствие, которое пришло после писем. Только теперь оно смешивалось с чем-то еще. С острой, почти болезненной жаждой наконец добраться до правды без посредников.

— Вы называете себя хранителем, — сказала я. — Тогда отвечайте ясно. Моя мать принадлежала к Дому Пепельного Крыла?

— Да.

— И я тоже?

— По праву крови — да.

— Почему тогда меня выдали в брак, как удобную фигуру для контроля?

Он оперся на посох.

— Потому что после падения старых домов остались лишь два способа управлять такими линиями: убивать их или растворять. Ваш отец выбрал второе, надеясь спасти вам жизнь.

Все снова сводилось к этому.

Спасти.

Сохранить.

Запереть.

Я прикрыла глаза на секунду.

— А моя мать?

— Умерла слишком рано, чтобы защитить вас самой.

— Она знала, кем я могу стать?

— Да.

Я медленно выдохнула.

Это было не утешение. Но и не пустота. Скорее жгу-

чее, почти невыносимое чувство, что рядом со мной когда-то действительно была женщина, понимавшая мою природу глубже всех. И я потеряла ее еще до того, как смогла спросить хоть о чем-то.

— Зачем вы пришли сейчас? — спросила я.

— Потому что печать треснула. А значит, вас либо приведут к тем, кто снова попытается закрыть силу, либо к тем, кто научит вас ею владеть. И я предпочел не оставлять этот выбор только северным стражам.

Арон резко шагнул вперед.

— Ты пришел увести ее в архивы.

— Я пришел дать ей то, чего вы не сможете, — спокойно ответил Тэран.

— И что же?

Старик посмотрел прямо мне в глаза.

— Имя.

Меня будто ударили.

Не физически. Глубже.

После развода, после утраты имени Эстейн, после всех слов о том, что я больше не ношу чужой род, именно это слово — имя — вдруг стало почти священным.

— Объясните, — сказала я тихо.

Тэран кивнул.

— В северных записях сохранилось не только происхождение вашей матери. Сохранилась линия наследования. Если вы действительно та, кем я думаю, вы не просто носительница крови. Вы последняя живая наследница Дома Пепельного Крыла.

У меня перехватило дыхание.

Мост качнулся под ногами — не по-настоящему, а внутри. Все, что произошло со мной за последние сутки, уже было слишком большим. Но это... это меняло саму ось моей истории. Я была не брошенной женщиной, случайно столкнувшейся с древним даром. Не удобной невестой, в которой что-то проснулось вопреки расчетам. Если Тэран говорил правду, то я — последняя наследница уничтоженного

или скрытого дома. Последняя женщина линии, которую так долго пытались не просто контролировать, а лишить имени до конца.

Больше не слабая.

Теперь эти слова звучали почти смешно рядом с новым знанием.

— Это можно доказать? — спросила я.

— Да.

— Чем?

— Книгой рода, печатью крови и залом отражений, если он еще отвечает.

От этих слов где-то глубоко, почти на самой границе восприятия, во мне снова шевельнулась память крови. Зал. Металлическое зеркало. Женский голос.

Я побледнела.

Тэран заметил.

— Вы уже видели его, — сказал он не как вопрос, а как подтверждение.

— Я... не знаю, что я видела.

— Знаете. Просто еще не умеете доверять этому.

Арон провел рукой по лицу.

— Это слишком рано. Она едва выдержала первые выбросы.

— Именно поэтому позднее будет только хуже, — возразил Тэран. — Ей нужен не только контроль. Ей нужно знание, откуда она.

И оба снова посмотрели на меня, как будто теперь решение зависело не от маршрутов, не от погони и не от чужих клятв, а от одного моего слова.

Странное чувство.

Еще вчера мужчины решали за меня.

Сегодня они спорили, у кого из них я получу право выбрать себя.

Я медленно провела пальцами по рукаву на левом запястье.

Трещина горела ровно. Спокойно. Будто тоже ждала.

— Где Иара? — спросила я.

— В северном убежище стражей, — ответил Арон.

— В живом архиве Пепельного Крыла, — сказал Тэран почти одновременно.

Я невольно рассмеялась.

Устало. Горько. Почти бессильно.

— Конечно. Почему бы и нет. Один зовет меня в убежище, другой — в архив, и оба уверены, что знают, что лучше для женщины, которая сутки назад лишилась всего.

Тэран не отвел взгляда.

— Вы не лишились всего. Вы только начали вспоминать, что вам принадлежит.

Эти слова вошли в меня глубже, чем хотелось бы.

Потому что какая-то часть меня уже знала: да. Именно это и происходит. Не получение нового. Возвращение отнятого.

Я посмотрела на север, на темнеющую тропу за мостом, на старика, на Арона, на Миру, которая все это время стояла тихо, но смотрела на меня с почти отчаянной верой, будто боялась, что я снова позволю кому-то увезти себя по чужому решению.

Нет.

Не позволю.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда слушайте оба. Я больше не пойду туда, куда мне велят только потому, что кто-то старше, сильнее или лучше осведомлен. Ни вы, Арон. Ни вы, Тэран. Я поеду туда, где получу сразу и знание, и ответы, и имя — если оно у меня действительно есть. И поеду не как груз, не как подопечная и не как чей-то долг. А как та, кому это принадлежит по праву.

Тишина.

Потом Тэран очень медленно склонил голову.

— Хорошо сказано, наследница.

Арон смотрел на меня дольше обычного, и в его серых глазах впервые появилось что-то похожее не только на внимание, но и на признание.

— Тогда сначала убежище, — сказал он. — Оно ближе и безопаснее на ночь. Оттуда решим, как выйти к живому архиву, если Тэран не лжет.

Старик фыркнул.

— Ты невозможен.

— А ты живуч.

— Это уже было.

— И все еще верно.

Я не вслушивалась дальше.

Потому что внутри у меня происходило нечто гораздо важнее их привычной вражды.

Тайный хранитель пришел не просто с новыми именами и маршрутами.

Он принес страшную, почти невыносимую мысль:

Возможно, меня веками пытались сделать безродной, тихой, удобной не потому, что я была лишней.

А потому, что мое настоящее имя слишком много значило.

Глава 13. Цена подавления

До убежища мы добрались уже в полной темноте.

После моста дорога стала еще уже и злее — по-другому я уже не могла это назвать. Скалы нависали так близко, что местами казалось: они сейчас сойдутся и раздавят все живое между собой. Ветер больше не гулял свободно, а резал порывами из боковых расщелин, словно кто-то невидимый бил холодом точно в лицо. Лошади шли осторожно, часто соскальзывая копытами по мокрому камню. Мира несколько раз едва не потеряла равновесие, и я все время прислушивалась к ее дыханию. Оно стало неровным, уставшим, но она держалась молча.

Тэран ехал теперь с нами, чуть позади, и от его присутствия дорога будто изменила вес. Не легче — просто плотнее. Старик почти не говорил, но даже молчал так, словно нес в себе архив не только на бумаге, а в самом позвоночнике, в костях, в привычке смотреть на северные скалы не как на препятствие, а как на страницы, которые он умеет читать.

Арон после моста стал еще собраннее. Я видела это по его спине, по редким жестам, по тому, как часто он смотрел не вперед, а на границу света и тьмы вокруг нас. Он доверял

Тэрану ровно настолько, насколько был вынужден. И, странное дело, я понимала обоих.

Потому что сама все еще не доверяла никому.

Но уже начала выбирать, кому позволю быть рядом.

Убежище оказалось не замком, не монастырем и даже не полноценным домом. Скорее частью горы, в которую кто-то когда-то врезал каменные врата, а потом заставил их исчезнуть для чужих глаз. Если бы Арон не свернул в узкую щель между скалами, я бы никогда не заметила там вход. Темный камень, обледеневший уступ, кривая линия тропы — ничего особенного. Только когда он коснулся ладонью одного из серых выступов, по поверхности пробежала тонкая серебристая волна, и скала бесшумно разошлась в сторону.

Я не удержалась и выдохнула:

— Конечно. Почему бы горе просто не открыть пасть.

Мира слабо, измученно фыркнула.

— Леди...

— Что? После сегодняшнего я уже имею право язвить хо-

тя бы на архитектуру.

Даже Тэран усмехнулся.

Внутри оказалось теплее, чем я ожидала. Не жарко — именно тепло. Сухой воздух, запах камня, старого дерева, трав и очень слабый — дыма. Коридор уходил внутрь горы мягким изгибом, стены были ровными, но не бездушными, как в крепостях великих домов. Здесь камень будто оставили дышать. На нишах горели низкие светильники с голубоватым огнем. Далеко впереди слышалась вода.

Навстречу нам вышли двое.

Первая — женщина лет сорока, может чуть старше, в темной одежде без гербов, с коротко собранными волосами и прямым взглядом человека, который не привык отступать ни перед кем. Вторая фигура была моложе, мужчина, широкоплечий, молчаливый, с таким же знаком разорванного крыла у шеи, как у Арона.

Женщина остановилась, посмотрела сначала на него, потом на Тэрана, потом на меня.

И я почти физически почувствовала момент, когда до нее дошло.

Не сплетня, не слух, не чужой доклад.

Узнавание.

— Значит, это правда, — сказала она тихо.

— Вопрос в том, какая именно часть, — отозвалась я раньше всех.

Ее губы дрогнули.

— Хорошо. Значит, язык у вас уже проснулся вместе с кровью.

— Судя по происходящему, это вообще самое безобидное из пробуждений.

Мужчина рядом с ней опустил голову, скрывая улыбку. А женщина подошла ближе.

— Меня зовут Вейра, — сказала она. — Я держу это убежище.

— И вы тоже сейчас скажете, что ждали меня давно?

— Нет, — ответила она спокойно. — Я скажу, что надеялась, что вам никогда не придется сюда попасть таким путем.

Это прозвучало почти по-человечески. Без пафоса. Без чужой программы. И, к моему собственному раздражению, я почувствовала, как плечи слегка отпускает.

— Тогда это лучший прием за последние сутки, — сказала я.

Вейра кивнула.

— Вашей служанке нужен отдых. Вам — еда, вода и тишина. Потом разговор.

— И никаких новых писем от внезапно воскресших тайн рода? — спросила я.

— Только если вы сами попросите.

— Замечательно.

Мира после этих слов едва не прослезилась от облегчения.

Нам отвели комнаты в глубине убежища. Простые, но не

бедные: каменные стены, плотные шторы, деревянная кровать, кувшин с горячей водой, чистая одежда. Я почти не помнила, когда в последний раз кто-то заботился о моем состоянии не как о функции и не как о предмете порядка, а просто потому, что я дошла до предела.

Это было непривычно.

И поэтому опасно приятно.

Мира заснула почти сразу, стоило ей сесть на край кровати в соседней комнате. Я услышала это по тишине. По той особой глубине, которая приходит, когда измученное тело наконец сдается. А вот со мной так не получилось.

Я стояла у умывальника, закатав рукав до локтя, и смотрела на метку.

В теплом свете лампы она выглядела еще страннее. Брачный знак Эстейнов, знакомый мне до боли, теперь действительно казался лишь оболочкой. Золотая трещина проходила сквозь него не как рана, а как новая запись поверх старой. И по бокам, как говорил Арон, шло тонкое живое свечение, которого раньше точно не было.

Сдерживающий узор.

Подавление.

Крышка на раскаленном котле.

Я коснулась кожи кончиком пальца.

Жар отозвался сразу. Но мягко. Будто сила внутри уже не рвалась из клетки наугад, а просто ждала, когда я наконец перестану делать вид, что ее не существует.

За спиной послышался стук в дверь.

— Войдите, — сказала я, не опуская рукава.

Вошла Вейра с подносом — бульон, темный хлеб, трава в чашке, что-то остро пахнущее смолой и мятой.

Она поставила поднос на стол и не стала делать вид, будто не заметила моего запястья.

— Можно? — спросила она.

Я посмотрела на нее через плечо.

— Что именно?

— Посмотреть ближе.

После всех сегодняшних попыток залезть мне под кожу эта просьба прозвучала почти безобидно. Но именно слово «можно» вдруг сделало между нами разницу.

— Да, — сказала я.

Вейра подошла. Ее пальцы не касались меня, только зависли рядом с меткой, и я увидела, как сузились ее глаза.

— Плохо, — тихо произнесла она.

— Все сегодня удивительно однообразно это повторяют.

— Я не пытаюсь вас напугать. Я пытаюсь быть точной.

— Тогда будьте.

Она выпрямилась.

— Брачная печать не просто держала вашу силу под замком. Ее подпитывали.

Я застыла.

— Что это значит?

Вейра встретила со мной взглядом.

— Это значит, что подавление было не пассивным. Кто-то позаботился, чтобы оно не ослабевало с годами. Не просто надеялся, что брак справится сам. Поддерживал узор. Обновлял его. Возможно, даже через ритуалы дома.

Холод прошел по спине медленно, как нож.

— Нет, — сказала я почти автоматически. — Это... нет.

Но разум уже догонял.

Мое вечное истощение.

Слабость.

Тусклая магия, которой все будто слегка стыдились, но никто не удивлялся.

Слова целителей о том, что моя аура «слишком хрупка для сильного союза».

То, как легко все объясняли именно мною.

Если подавление поддерживали извне, то я годами жила не просто в несчастливом браке. Я жила внутри конструкции, которая методично делала меня слабее.

— Кто? — спросила я глухо.

Вейра ответила честно:

— Я не знаю. Но вариантов немного. Дом Эстейн. Маги при совете. Кто-то из старых хранителей печатей. Или все вместе.

Я медленно села на край стула, потому что ноги внезапно перестали быть надежными.

Цена подавления.

Вот она.

Не только моя боль. Не только унижение.

Годы украденной силы.

Годы жизни, в которых я искренне считала себя недоста-

точной.

Мне вдруг стало трудно дышать.

Вейра присела напротив, не слишком близко.

— Посмотрите на меня, — сказала она.

Я подняла глаза.

— Сейчас вы не сорветесь, — произнесла она ровно. — Не позволите их вине снова превратить вас в слабую. Слышите?

Я слышала. Но внутри уже поднималось что-то темное и жаркое.

— Они... — начала я и осеклась.

Потому что не знала, о ком именно говорю. Об отце? О совете? О Рейнаре? О тех безымянных людях, которые много лет поддерживали печать на мне, пока я улыбалась на балах и молчала в спальне, где постепенно переставала быть собой?

— Да, — сказала Вейра. — Они.

Эта простая, страшная ясность стала последней каплей.

Меня накрыла не истерика.

Ярость.

Чистая. Поздняя. Правильная.

Я вскочила так резко, что стул качнулся, а чашка на подносе задребезжала. Золотая трещина на руке вспыхнула жарче. Воздух в комнате потяжелел.

Вейра тоже поднялась, но не отступила.

— Дышите, — сказала она.

— Не надо говорить со мной так, будто я дикая тварь на привязи.

— Тогда не ведите себя так, будто хотите спалить здесь стены.

И именно это отрезвило.

Я замерла посреди комнаты, тяжело дыша. Метка горела.

В висках стучало. Но Вейра была права — я действительно стояла на самом краю нового выброса. И если сорвусь сейчас, то это уже не будет красивым побегом у ворот. Это будет просто еще один случай, когда сила управляет мной лучше, чем я — собой.

Нет.

Я медленно сжала пальцы в кулак.

Потом разжала.

Еще раз вдохнула.

Жар внутри не ушел. Но стал менее острым.

— Хорошо, — сказала я хрипло. — Хорошо.

Вейра наблюдала за мной слишком внимательно. Как целитель, воин и женщина, которая сама когда-то, вероятно, проходила через что-то свое.

— Впервые? — спросила она.

— Что именно?

— Настоящая злость не на себя.

Я горько усмехнулась.

— Да. Кажется, впервые.

Она кивнула, будто слышала что-то важное.

— Это тяжело. Но полезно.

— Какая вдохновляющая формулировка.

— Здесь не место для красивых речей.

— Уже заметила.

Она чуть склонила голову в сторону двери.

— После того как поедите, вас ждут в нижнем зале. Арон, Тэран и я. Пора решить, что делать дальше. И до того, как вы туда спуститесь, вам нужно понять одну вещь.

— Какую?

— Если печать подпитывали годами, значит, ваше пробуждение — не просто личная история. Вы ломаете не чей-

то неудачный брак. Вы ломаете целую систему контроля. А такие вещи не прощают.

Слова легли в меня тяжело и точно.

Да.

Конечно.

Я все это время думала о своем унижении, о разводе, о потере имени, о письмах. Но если Вейра права, то за всем этим стояло не просто несколько жестоких решений. Стояла схема. Машина. Тихая, правильная, веками оправданная — и потому еще более чудовищная.

Я кивнула.

— Тогда пусть не прощают.

Вейра посмотрела на меня долго.

— Вы ведь понимаете, что говорите это не из бравады?

— Да.

— Хорошо.

Она направилась к двери, но уже на пороге остановилась.

— И еще одно. Не позволяйте прошлому обмануть вас. Подавление почти всегда заставляет жертву верить, что без него она не справится. Когда встретитесь с тем, кто был частью этой конструкции, вы это особенно почувствуете.

Я знала, о ком она.

О Рейнаре.

И от одного имени, даже не произнесенного вслух, внутри болезненно шевельнулось что-то старое. Не любовь — нет. Скорее привычка тела помнить. Голос. Взгляд. Присутствие. Все то, что годами казалось опорой, а оказалось частью клетки.

— Я постараюсь, — сказала я.

— Нет, — ответила Вейра. — Вы не постараетесь. Вы запомните.

Когда дверь закрылась, я еще долго стояла неподвижно.

Потом села за стол и заставила себя поест. Бульон оказал-

ся горячим, крепким, с острым привкусом кореньев. Хлеб — плотным, настоящим. Еда возвращала в тело, а тело — в реальность. Реальность же была такой: моя слабость оказалась не природой, а следствием. Не судьбой, а чьей-то работой.

Цена подавления.

Вдруг стало ясно, почему я не могла родить. Почему истощалась. Почему с каждым годом становилась все тише, все бледнее, все удобнее для вычеркивания. Если тебя долго высушивают изнутри, ты начинаешь считать себя пустой.

Какая ложь.

Я доела все до последней крошки, умыла лицо, заплела волосы крепче и снова закатала рукав.

Метка горела ровно. В золотой трещине не было больше ничего жалкого или сломанного. Только движение. Только ответ.

— Значит, так, — сказала я своему отражению в темном стекле. — Теперь мы знаем цену. Осталось узнать счет.

И впервые за весь этот день я улыбнулась.

Не мягко. Не печально.

Холодно.

Потому что если кто-то годами строил на мне систему давления, то однажды ему придется смотреть, как эта система рушится.

И желательно — с первого ряда.

Глава 14. Почему ты молчала

Нижний зал убежища оказался глубже, чем я ожидала.

К нему вела узкая лестница, уходящая вниз по спирали вдоль самой скалы. Чем ниже я спускалась, тем отчетливее слышала воду — ровный подземный шум, будто в толще горы билось огромное медленное сердце. Воздух становился холоднее, но чище. Лампы в нишах давали мягкий серебристый свет, от которого камень казался не мертвым, а почти живым.

Я шла медленно, не потому что боялась, а потому что внутри слишком многое выстраивалось в новые линии. Цена подавления. Годы украденной силы. Ложь, поданная как забота. И теперь еще один разговор — наверняка с новыми именами, новыми тайнами, новыми версиями того, почему мне опять не сказали правду вовремя.

На последней ступени я остановилась.

Зал был широким, овальным, с низким сводом и черной водой, уходящей в темноту под каменными арками. Вдоль стен стояли старые столы, карты, ящики, полки с книгами и какими-то металлическими цилиндрами, покрытыми знака-

ми. В центре горел круглый очаг без дыма — голубоватое пламя, которое не давало жара, только свет.

Арон уже был там. Стоял у стола с разложенной картой, скрестив руки. Тэран сидел чуть в стороне, опираясь на посох, но выглядел совсем не усталым — скорее, как человек, который наконец добрался до разговора, ради которого пережил полжизни. Вейра стояла у воды, облокотившись на каменный выступ, и первой подняла на меня взгляд.

Все трое замолчали, когда я вошла.

Я ненавидела этот момент.

Момент, когда в комнате замолкают, потому что пришла ты — и все понимают, что дальше будет то, чего уже не обойти.

Я подошла ближе к очагу и остановилась.

— Хорошо, — сказала я. — Кто из вас скажет мне сегодня самую неприятную правду первым?

Тэран хмыкнул.

— Наконец-то речь наследницы.

— Не называйте меня так, пока это не доказано, — холодно ответила я.

— Уже учится, — заметила Вейра.

— Уже устала, — поправила я. — И хочу ясности. Без церемоний. Без «мы пытались вас защитить». Без «иначе было нельзя». Без пауз, которые мужчины считают выразительными.

На последней фразе я посмотрела прямо на Арона.

Он выдержал взгляд.

— Справедливо, — сказал он.

— Тогда начнем с самого простого, — продолжила я. — Все вы так или иначе знали, что во мне спит эта сила. Или хотя бы подозревали. Все вы знали больше, чем я. И никто не пришел раньше. Никто не забрал меня до брака. Никто не объяснил после. Так что теперь я хочу услышать не легенду о великой тайне, а ответ на один очень простой вопрос.

Я перевела взгляд с одного на другого.

— Почему вы молчали?

После этих слов даже шум воды будто стал тише.

Первой заговорила Вейра.

— Потому что открыто подойти к вам значило выдать вас,
— сказала она. — После брака с домом Эстейн вы были окружены слишком плотной сетью наблюдения. Любой прямой контакт со стороны старых северных линий только подтвердил бы, что в вас есть что-то, что стоит скрывать или изучать.

— И потому вы решили ничего мне не говорить? Очень удобно.

— Нет, — спокойно ответила она. — Мы решили действовать осторожно. Не молчать навсегда. Дождаться, пока узор ослабнет достаточно, чтобы вы могли сделать выбор сами.

Я резко рассмеялась.

— Сделать выбор? Простите, а где именно в этой конструкции был мой выбор? Когда меня выдали замуж? Когда я годами считала себя бесполезной? Когда меня публично развели? В какой из этих сцен я могла что-то выбрать, если

вы все стояли где-то в тени и ждали удобного момента?

Вейра не отвела глаз.

— Вы правы. Выбора у вас почти не было.

— Почти?

— Пока печать держала силу под замком, любой слишком ранний контакт мог закончиться одним из двух: вас бы перевели под прямой контроль совета или попытались бы разбудить кровь насильно. И то и другое было бы хуже.

— Откуда вы знаете?

— Потому что мы уже видели это раньше.

Тэран тихо постучал пальцами по посоху.

— Дважды, — сказал он. — Один раз — в доме Сумеречного Пера. Второй — на западе, еще до рождения вашей матери.

Я повернулась к нему.

— И что произошло?

— В первом случае девушку заперли в монастыре при магическом круге, пока она не перестала различать собственные мысли и навязанные. Во втором — выдали замуж в срочном порядке за лорда, который попытался использовать пробуждение крови как источник силы для своего дома. Она сгорела через год.

У меня похолодели руки.

— Сгорела?

— Внутри, — тихо сказал Тэран. — Сила, не получившая имени и формы, рвет носителя. Особенно если ее пытаются подчинить, а не разбудить правильно.

Я медленно вдохнула.

Понимание было мерзким, как ледяная вода под кожу: все это время меня не только подавляли. Вокруг меня существовал целый мир тех, кто считал подобное допустимым инструментом. И да, возможно, прямое вмешательство действительно могло стоять мне жизни. Но это не снимало другого.

Они все равно оставили меня одну внутри этой лжи.

— Хорошо, — сказала я уже тише. — Значит, вы молчали, потому что боялись сделать хуже. Но это не объясняет одного.

Я посмотрела прямо на Арона.

— Почему письмо отца и письмо Эвелины дошли до меня только сейчас? Кто именно не дал им попасть ко мне раньше?

Он ответил не сразу.

— Письмо Эвелины перехватили.

— Кто?

— Один из старших печатников при дворе Эстейн. Мы выяснили это уже позже.

Я почувствовала, как во мне снова поднимается жар.

— Имя.

— Лорен Сайр.

Незнакомо.

Но я запомнила.

— А письмо отца?

На этот раз заговорил Тэран.

— Он спрятал его сам. Не доверял никому и, похоже, до последнего колебался, стоит ли вообще оставлять след. После его смерти часть бумаг вывезли на северную заставу как военные записи. Мы нашли письмо случайно.

— Случайно? — переспросила я. — Какое удивительное слово в мире, где все решает расчет.

— Иногда и случайность бывает милостью, — сказал он.

Я не стала спорить. Потому что иначе пришлось бы признать, насколько меня задела строка отца.

Он знал.

Он понимал, что делает.

И все равно сделал.

Никакая любовь не отменит этого. Но и моя злость не могла уже сделать вид, что в нем не было отчаяния. Именно это и бесило сильнее всего: правду нельзя было упростить до удобной ненависти.

Я отвернулась к черной воде.

На ее поверхности дрожал свет очага. И в этом дрожании я вдруг ясно увидела лицо матери — не реальное, не точное, а собранное из памяти, боли и рассказов. Мягкая линия рта. Холодные пальцы на моих волосах. Легкий запах дыма и северных трав. И тот вопрос, который вдруг вспыхнул так резко, что я произнесла его вслух раньше, чем успела остановиться:

— Почему ты молчала?

В зале стало тихо.

Я даже не сразу поняла, что сказала это не им. Не этим людям. Не вслух для разговора.

Ей.

Матери.

Вейра смотрела на меня очень внимательно.

— Вы о ней, — сказала она тихо.

Я кивнула, не сразу справившись с голосом.

— Если она знала... если понимала... почему ничего не оставила мне? Почему не сказала? Почему не научила хотя бы не бояться того, что я чувствую?

Тэран опустил взгляд.

А Вейра подошла ближе и заговорила так, будто ступала по тонкому льду:

— Возможно, потому что не успела. Возможно, потому что надеялась прожить дольше. Возможно, потому что рядом уже тогда были те, кто следил за каждым шагом ее линии. А возможно... — она запнулась на секунду, — потому что иногда женщины, живущие под угрозой, молчат не от слабости, а потому что хотят дать ребенку хотя бы несколько лет обычной жизни.

Я резко вскинула голову.

— Обычной? — Голос у меня сорвался горько. — Вы называете это обычной жизнью? Брак-клетку? Двор, где из меня годами высасывали силу? Мужа, который публично развелся со мной, считая бесполезной? Прекрасная вышла обычность.

Вейра не отступила.

— Нет. Но до брака у вас были годы, когда вас не заперли в круге магов, не растили как оружие и не объявили наследницей слишком рано. Иногда это уже много.

Слова били больно, потому что в них была та разновидность правды, которую невозможно принять целиком и невозможно отвергнуть.

Моя мать молчала, может быть, чтобы дать мне кусок нормальной жизни.

А отец — чтобы спасти тем способом, на который хватило его мужества.

И оба ошиблись.

Жестоко.

Окончательно.

Но уже не из простого равнодушия.

Мне хотелось злиться на это так же легко, как на Рейнара. Но не получалось. Тут все было сложнее. Грязнее. Больнее.

— У вас есть что-то от нее? — спросила я после долгой паузы. — Не легенда. Не хроника. Что-то настоящее.

Тэран поднял глаза.

— Возможно.

Я резко повернулась к нему.

— Возможно?

— Я не хотел показывать это, пока не удостоверюсь, что вы действительно из линии Пепельного Крыла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.